

На пороге Нового года

Всего несколько дней отделяют нас от будущего года.

Расставаясь с уходящим тысячью девятьсот сорок седьмым, хочется помянуть его добрым, благодарным словом. Много трудовых побед и героических подвигов вписано в историю нашей страны. За этот год наша Родина поднялась на такую высоту, о которой стали ясно видны прекрасные вершины коммунизма.

Отрывая последние листки календаря, мы думаем о том, как много из побед и делений этого трудового и радостного года навсегда останется в народной памяти. При этом мы вспоминаем не только возрожденные заводы и шахты, не только богатый урожай, любовно собранный уездными и заводскими руками советских людей. Мы думаем также и о новых книгах — романах, повестях, пьесах и очерках, которые принес нам 1947 год. Так велика роль литературы в нашей стране, что лучшие произведения советских писателей слушаются в ряд с вышними сражениями и трудовыми подвигами нашего народа.

Богатым и содержательным был уходящий литературный год.

Это был год подвема художественной прозы. Романы П. Павленко «Счастье», В. Пановой «Кружничиха», повесть С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», очерк В. Галина «В одном населенном пункте» — эти произведения рассказывают о нашей сегодняшней жизни. Много нового внесли в нынешнем году писатели и в разработку военной темы. Они не просто продолжают описание событий Отечественной войны, но стремятся обобщить глубокий исторический смысл великой народной борьбы, показать изменения в духовном облике советского человека, которые внесла великая борьба.

Именно это отличает такие произведения, как романы М. Бубенинова «Белая беза», А. Гончарова «Знаменосцы», И. Эренбурга «Буря».

В нынешнем году читатель впервые познакомился с новыми молодыми писателями — Э. Казакевичем, М. Бубениновым, С. Бабаевским, А. Гончаром — и успел полюбив их.

Несомненные удачи наших писателей, однако, не должны заслонять от нас того, что в целом советская литература все еще отстает от нашей героической современности.

Партия — ведущая сила нашего строя — еще не нашла достойного изображения в литературе.

Коммунист — центральная фигура нашего времени. Коммунист — руководитель на заводе, на строительстве, в колхозе, в институте, в лаборатории. Коммунист — новатор, смело выступающий против всего отжившего и косного, правоплановый в дружных рядах советских труженников, — вот замечательный образ нашей эпохи, до сих пор не раскрытый писателями с достаточной жизненной правдивостью и художественной силой.

Наша литература в большом долгу перед миллионами советских людей, труженников и создателей, творцов новой жизни.

Если на восстановление промышленности и сельского хозяйства, разрушенных в годы первой мировой войны, капиталистические государства потребовались десятилетия, то наш народ сумел достигнуть довоенного уровня промышленности в течение двух лет!

Достаточно сопоставить этот факт с тем, что дала наша литература в 1947 году, чтобы увидеть, как мало еще создано книг о бессмертном подвиге народа-труженника, современном в послевоенные годы.

Роман В. Пановой «Кружничиха» рисует жизнь крупного завода во время войны и в первые дни мира. Мы знакомимся с отдельными людьми, работающими на заводе, но не видим заводского коллектива, не видим самого труда, формирующего характеры людей. Существенным недостатком романа П. Павленко «Счастье» — одного из лучших произведений года — является то, что образы многих героев мало связаны с их реальной трудовой деятельностью.

О том же отставании нашей литературы от современности свидетельствует удивительная бедность, немногочисленность наших очерков. Передатывая страницы журналов за год, мы почти не находим значительных художественных очерков о наших днях, о героях новой сталинской пятилетки.

Ряд произведений, появившихся в этом году, был художественно слабым, небезидеальным, незрелым. Назовем хотя бы роман Ф. Панферова «Борьба за мир» с его неверным изображением Советской Армии, с его неудачными, нежизненными образами главных героев.

Большая вина нашей критики в том, что она часто давала восторженную оценку книгам за одну лишь актуальность и значительность темы. Ничего не сказали наши критики о художественных недостатках, которые имеются в ряде удачных произведений этого года.

Писатели — избранники народа

23 декабря председатель окружной избирательной комиссии 792-го избирательного округа г. Москвы вручил удостоверение об избрании депутатов Московского городского Совета депутатов трудящихся Федору Васильевичу Гладкову.

Отстаивать нашей критике становится особенно очевидным, когда просматриваем критические отзывы толстых журналов. Статьи на теоретические темы не связаны с конкретным разбором современных произведений. Этот недостаток во многом снижает ценность единственной в журналах текущего года дискуссии о социалистическом реализме, начатой «Октябрем».

Критика современной литературы сводится часто к случайным рецензиям на случайные книги, а крупные произведения не получают серьезной критической оценки. Так, в журнале «Новый мир» за 1947 год мы не найдем ни одной критической статьи о крупнейших произведениях этого года, хотя есть статьи о советском водоводе и о рассказах в «Огоньке». Не лучше обстоят дело и в «Знамени», и в «Звезде», и в «Октябре».

К 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, когда вся наша страна подводила итоги пройденного и завоеванного, наши журналы не дали серьезных обобщающих статей о тридцатилетнем пути советской литературы, о ее новаторском характере и своеобразии.

Большое значение для развития нашей критики и всей советской литературы имели статьи газет «Правда» и «Культура и жизнь», в которых были подвергнуты серьезной большевистской критике недостатки одного из крупнейших произведений наших дней — романа А. Фадеева «Молодая гвардия», а также ошибочная, художественно неполноценная повесть К. Симонова «Дым отечества». Эти статьи явились прямым указанием нашей писательской общественности на слабость критики и самокритики, на существующую еще в литературной среде атмосферу захлебывания.

В искусстве нет и не может быть «неприкосновенных» и «непогрешимых» авторитетов, стоящих вне критики. Любое, даже самое талантливое произведение должно быть подвергнуто всесторонней, требовательной идейно-художественной большевистской критике. Статьи «Правды» и газеты «Культура и жизнь» вызвали заметное оживление в нашей критике.

Партийность, высокая большевистская идейность, — вот важнейшие требования, предъявляемые партией и народом к литературе.

Отсутствие подлинной идейности неизбежно приводит писателя к грубым провалам.

Именно это произошло с записками А. Твардовского «Родина и чужбина». «Литературная газета» писала о ложном объективизме, фальшивой позиции автора в этих записках. В самом деле, все произведение пронизано ощущением усталости, пассивности, созерцательным отношением к жизни. Достаточно сказать, что советские писатели и журналисты, которые славно сражались на фронтах Великой Отечественной войны пером и оружием, уподобляются А. Твардовским мужику, который ничего не делает, а только «хекает», глядя на работающих людей («Мы хекаем, а люди рубят»).

Недостойное, клеветническое обвинение по адресу наших писателей, которые мужественно воевали и честно умирали в боях, как солдаты!

Поэзия 1947 года заметно отстает от прозы.

Говоря о прозе, мы вспоминаем образы, живо запечатлевшие характеры советских людей, — полковник Воропаев, лейтенант Травкин, пропагандист Пантелеев, кавалер Золотой Звезды Тутарин. Таких образов мы не найдем в поэмах 1947 года. Мало раскрыт внутренний мир героя нашего времени в лирических стихах.

В течение 1947 года наши драматурги и театры более решительно обратились к современной теме. Репертуар театров стал содержательнее и актуальнее. Однако серьезный недостаток нашей драматургии заключается в том, что писатели сплошь и рядом обращаются к инсценировке своих прозаических произведений, часто механически переводят их с языка прозы на язык сцены, вместо того, чтобы создавать новые, самостоятельные, сценически выразительные произведения.

Приближается Новый год — третий год послевоенной сталинской пятилетки. Много ценного и правдивого принесла нам литература в нынешнем году. Однако сегодня, когда мы подводим итоги нашей литературной жизни за год, нам нужны не любительские обзоры, не торжественные доклады и не пыльные восторги. Деловая, вдумчивая и нелицеприятная критика и самокритика, трезвая оценка наших успехов и недостатков — вот что является прочным залогом дальнейшего движения вперед всей нашей литературы.

Советская литература, обогащенная тридцатилетним опытом строительства социалистического государства, самая передовая, самая идейная литература мира, создаст в будущем году много новых и талантливых партийных, патристических произведений, достойных великого советского народа.

Мы стоим на пороге Нового года. Ясно, светлое утро поднимается над миром. Мы знаем, что будущее принадлежит нам. Новый год несет нам новые успехи, новые подвиги и новые радости.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 67 (2382)

Суббота, 27 декабря 1947 г.

Цена 40 коп.

За критику и самокритику в украинской литературе

М. БАЖАН

Развитие советского общества происходит в борьбе против всего, что пытается тормозить наш прогресс. Одно из важнейших условий этого прогресса — борьба против пережитков капитализма в сознании людей.

Вот почему наступление коммунистической идеологии на капиталистические пережитки в сознании людей имеет огромное историческое значение. Проваления старой, буржуазной идеологии в области советской науки, литературы, искусства, где эти остатки старого еще дают себя знать, должны быть открыто и бесповоротно выявлены, раскрыты и преодолены. Малейшее попустительство либо благодушие отношение ко всяким проявлениям буржуазной идеологии объективно означает содействие капиталистическому окружению и направлено против партийного, большевистского мировоззрения. Одним из наиболее живучих и ядовитых пережитков враждебной идеологии является буржуазный национализм.

Украинский народ всегда видел в украинском национализме своего заклятого врага. С первых же шагов социалистической революции на Украине украинскому народу, руководимому партией большевиков, пришлось вести беспощадную борьбу с вооруженным сопротивлением украинской буржуазии и кулачества.

Украинские националисты в течение всей своей грязной истории предавали интересы украинского народа, были прислужниками иноземной империализма. После разгрома своего основного противника — гитлеровской Германии недостатки украинского национализма нашли себе новых хозяев в лице англо-саксонских реакционеров.

В среде советских писателей Украины забыли о том, что советская украинская литература развивалась и крепла в борьбе с украинским национализмом, не заметили, что в последних произведениях некоторых писателей проявились пережитки украинского национализма.

Особенно скажутся эти пережитки в творчестве М. Рыльского, Ю. Яновского и И. Сенченко.

Литературные произведения и историко-географические «опусы» М. Рыльского явно возрождают националистические концепции, лавно разоблаченные и разгромленные партией.

О том, что М. Рыльский в своих взглядах на историю Украины стоит на позициях чуждого советскому мировоззрению, на позициях националистических, свидетельствует и его доклад «Киев в истории Украины», прочитанный в 1943 году на торжественном собрании Академии наук УССР и тогда же опубликованный в печати. В нем М. Рыльский делает широкий обзор роли Киева в истории Украины, последовательно проводя обычный для украинского буржуазного национализма взгляд на историю Украины, как на борьбу за национальные идеи, и избегая говорить о значении классовой борьбы в истории Украины.

О прогрессивном, спасительном значении присоединения Украины к России М. Рыльский говорит мало. Большой и значительной темы о благотворном влиянии переловой русской культуры на культуру украинского народа он избегает. Полностью следуя концепции «единого потока», М. Рыльский фактически отрицает наличие в украинском языке культурных особенностей, смешивая в одну кучку и все по-настоящему величественное и прогрессивное в украинской культуре и реакционное, отсталое, националистическое.

О времени, когда выросла украинский буржуазный национализм в единении с украинскими литературными течениями в «вечских» «модернистах» и «символистах», — о начале XX столетия Рыльский пишет так: «Первые полтора десятилетия XX века были для Украины периодом рождения новых талантов, прежде всего, в области литературы, возникновения новых школ и направлений в искусстве, дальнейшего углубления и расширения общекультурного процесса». Это написано о времени бешеного низкопоклонства украинской буржуазии перед культурой империалистического Запада, о времени травли буржуазной интеллигенцией всего действительно прогрессивного в украинской литературе.

Военные действия в Китае

В ходе боев летом 1947 года гоминдановские армии потеряли ряд важных районов и понесли большие потери. На многих участках фронта инициатива перешла к демократическим войскам.

Попытки гоминдановцев начать наступление осенью также окончились неудачей. Нехватка войск на фронте, недостаток оборонительных сил в тылу, а главное, отсутствие поддержки в народе парализовали мероприятия Гоминдана и создавали благоприятную обстановку для успешных действий Народно-освободительной армии. В статье, переданной в сентябре, агентство Синьхуа отмечало: «Как раз в тот момент, когда Чан Кай-ши опубликовал приказ о «всеобщей мобилизации», когда он бьет направленные на то, чтобы начать свое так называемое «сентябрьское наступление», наша армия дает свой ответ — контрнаступление».

Демократические армии Китая, продолжая продвижение в Маньчжурии и Северном Китае, начали наступательные операции на широком фронте, от провинции Шаньдун на востоке до провинции Шаньси на западе и до берегов Янцзы на юге.

К началу осени Демократическая армия занимала почти всю территорию Маньчжурии, за исключением узкого клина, протянувшегося от Мукдена до Гирина вдоль железной дороги, проходящей через Сяньиньши и Чанчунь.

Главный удар народной армия направляла на города Гирин и Чанчунь. Наступление протекало успешно. Чанчунь и Гирин были изолированы, и связь гоминдановцев с этими городами прервана. За полтора месяца (с 14 сентября по 1 ноября) освобожденная территория Маньчжурии была расширена на 38.400 квадратных километров, численность населения, проживающего

на этой территории, — 2.600.000 человек. Гоминдановские войска потеряли в боях около 70 тысяч убитыми, ранеными и пленными.

Во второй половине ноября ожесточенное сражение развернулось в Северном Китае — в провинциях Хэбэй и Шаньси. Непосредственной задачей наступающих войск Народно-освободительной армии являлся разгром гоминдановцев в районе города Тайюнь (провинция Шаньси) и в стратегическом треугольнике Тиньцзянь — Бэйпин — Баодин (провинция Хэбэй). Захват этих городов дал бы возможность действующей здесь Народно-освободительной армии установить непосредственную связь со своими частями в Маньчжурии.

В середине ноября Народно-освободительная армия добилась крупного стратегического успеха, овладев важным железнодорожным узлом на Бэйпин-Ханьчжоуской железной дороге — городом Шиньчжоу. С занятием этого города парадная армия приобрела удобный плацдарм для наступления на Баодин и Тайюнь и получила возможность установить связь между освобожденными районами Шаньси — Чахар — Хэбэй и Шаньси — Хэбэй — Шаньдун. В сражении за город Шиньчжоу гоминдановцы потеряли свыше 20 тысяч солдат и офицеров.

Непосредственная угроза, нависшая над административным центром провинции Хэбэй — Баодином, через который проходила железнодорожная коммуникация, связывающая Северный и Центральный Китай, вынудила гоминдановское командование перебраться часть своих войск из Маньчжурии в Северный Китай. Это ослабило позиции гоминдановцев в Маньчжурии и помогло Демократической армии нанести им новый удар.

9 декабря войска Демократической армии, возобновив наступательные действия в

русским народами, принизить и оклеветать передовую «культуру» братского русского народа. Именно поэтому у нас на Украине борьба с проявлениями низкопоклонства перед буржуазным Западом является неотделимой частью борьбы против проявлений украинского буржуазного национализма в целом.

Выкорчевывая остатки националистических взглядов, борясь с пережитками этой ядовитой мерзости идеологии, советские историки, публицисты, литераторы, критики должны бороться за новый подъем благородного чувства советского патриотизма, выделяя из наследия прошлого все подлинно ценное и прогрессивное.

Мы никому не позволим пятнать и принижать это наследие. Когда мы видим, как летят комья грязи, чтобы запачкать чистые и прекрасные образы нашего литературного, мы знаем, — эта грязь летит с той стороны баррикад, отделяющих новый мир от мира старого. Первый ком грязи летел из рук буржуазного либерала Кулиша, который стремился погасить революционно-демократическое сияние шевченковского творчества. Фашист Хвильев, восхваляя позорную попытку Кулиша, пытался бросить и свой комок грязи. Но до Шевченко эта националистическая грязь не могла долететь! Она возвращалась назад и, как пощечина, падала на лица тех, кто ее бросал.

Желание принизить и запятнать лучшее из наследия украинской и особенно русской культуры, украинско-буржуазные националисты сочетали с низкопоклонством, лаяким ползанием перед культурой буржуазного Запада. Характерный в этом отношении документ — книга М. Рудницкого «От Мирного до Хвильевого» (Львов, 1936 год).

Основная тенденция этой книги — сплошная клевета на украинскую литературу на ее произведениях. Настоящую притупив всем украинским писателям примитивизм и отсталость, автор не скрывает своих симпатий к буржуазной Европе. Повторяя утверждение Хвильевого, М. Рудницкий подходит к оценке творчества украинских писателей с универсальным «европейским психологическим критерием», в основе которого лежит отрицание идейности в литературе.

Согласно М. Рудницкому, «писатель не должен иметь мировоззрения». М. Рудницкий сожалеет, что лучшие украинские писатели не следуют западноевропейским образцам, где «герои борются с чисто психологическими конфликтами, независимо от среды и условий, из каких эти конфликты вырастают».

Характерно, что в поисках «европейского психологизма» в произведениях украинских писателей М. Рудницкий отрицает значение именно тех произведений, в которых разрешаются социальные проблемы и освещается революционная борьба украинского народа. Именно поэтому М. Рудницкий ни во что не ставит все творчество Леси Украинки.

Низкопоклонство перед Западом имеет место и в других литературоведческих работах последних лет. В «Очерке истории украинской литературы» (под редакцией С. Маслова и Е. Кирилюка) И. Пильгус старательно подчеркивает влияние на М. Коцюбинского западноевропейских (пусть даже самых мизерных, совсем незаметных) писателей и в то же время умалчивает о таком могучем факторе в идейно-художественном росте нашего великого писателя, как влияние М. Горького.

Профессор А. Шамайр пишет в том же «Очерке» о влиянии на поэзию Леси Украинки некоторых стихов Шелли, не упоминая о влиянии Пушкина и Некрасова.

Советская украинская критика еще не развернула настоящей борьбы с проявлениями низкопоклонства перед Западом. Необходимо смелее бичевать растлевающую буржуазную культуру!

Непримиримая борьба за чистоту марксистско-ленинского мировоззрения, планомерное утверждение великих принципов партийности нашей науки, философии, литературы, искусства, боевая большевистская критика и самокритика — вот что поможет украинской советской литературе выполнить задание, возложенное на нее партией и народом.

ряде районов, прилегающих к Бэйпин-Мукденской железной дороге, начали фронтальное и обходное движение на Мукден. Две дивизии продвигаются из Сианя и Синьфа (в 100 и 95 миль севернее Мукдена), третья дивизия, вышедшая из Бамачэна, атакует Чанту, в 75 миль севернее Мукдена. Другие колонны войск наступают на Мукден с юга и запада. Ожесточенное сражение происходит в районах Шиньчжоу и Инкоу.

Стремительное наступление Демократической армии на Мукден важно не только с

Собрание сочинений В. Г. Белинского

Столетие со дня смерти Виссариона Григорьевича Белинского Гослитиздат ознаменует изданием сочинений великого русского критика.

В течение 1948 года будет выпущено 300-тысячным тиражом трехтомное собрание сочинений Белинского. Первый том, объемом в 60 печатных листов, выйдет в начале июня. Книга иллюстрирована портретами писателя, фотокопиями титульных листов журналов «Молва», «Телеграф» и «Отечественные записки», в которых печатались статьи В. Белинского.

Во второй том войдут работы, начиная с обзора русской литературы 1840 года. Третий охватывает статьи самого зрелого периода творчества критика — цикл статей о Пушкине, «Мысли и заметки о русской литературе», «Петербургский сборник» и важнейшие работы, печатавшиеся в «Современнике»: «Взгляд на русскую литературу» (1846, 1847 год), «Ответ «Москвитяину», письмо к Гоголю и т. д.

Письмо Белинского к Гоголю выпускается в ближайшее время в отдельном издании тиражом в 250.000 экз.

Подготовлено к печати второе, расширенное издание однотомника произведений писателя. Издательство намерено выпустить массовым тиражом серию брошюр, содержащих наиболее значительные статьи Белинского. Отдельным изданием выйдет цикл статей о Пушкине.

Новые учебники по русской литературе

Учпедгиз готовит к изданию ряд учебников по русской литературе для студентов педагогических вузов.

Двухтомный курс русской литературы XIX века написан группой профессоров и преподавателей Ленинградского университета и Ленинградского педагогического института под руководством проф. В. Демиского.

Русской литературе того же периода посвящен и учебник (в двух томах), над составлением которого работали: Д. Благой, Н. Бродский, Н. Глаголев, Г. Поспелов. Учебник выйдет под общей редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР А. Египина.

Будут изданы, кроме того, учебник по русской литературе XX века (до 1917 года), составленный А. Волковым, «Очерки по русской советской литературе» (коллективный труд под редакцией проф. Л. Тимофеева) и «История русской критики» (автор Н. Бельчиков).

Выставка народного творчества

В феврале 1948 года в помещении Музея нового западного искусства в Москве откроется Всесоюзная выставка художественной промышленности и народных художественных ремесел, организованная Комитетом по делам искусств при Совете Министров СССР. На ней будут представлены лучшие образцы нашей художественной промышленности и выдающиеся произведения мастеров народного искусства, созданные за последние годы.

Посетителя выставки увидят замечательные художественные изделия из дерева, металла, кости, камня, стекла, ковры, голубень и т. п.

На днях в Москве состоялось первое заседание жюри. Отобрано около двухсот работ, представленных промышленной кооперацией. Большинство из них — образцы так называемой «холодильной» росписи по дереву (Горьковская область). Приняты для экспонирования на выставке также изделия из папье-маше, сделанные мастерами Мстеры и Холма, камнерезные изделия Борнуковской (Молотовская область) и Горно-Иркенской (Молотовская область) артелей, «крестовские» вышивки Новгородской области, кружева, шпеленные мастерами Кировской области.

КОНФЕРЕНЦИЯ БИБЛИОТЕКАРЕЙ

ЛЕНИНГРАД (От наш. корр.). Здесь состоялась юбилейная научная конференция работников библиотечного института имени Н. К. Крупской и публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

За годы советской власти фонды публичной библиотеки увеличились в три с половиной — четыре раза. На полках одного из крупнейших книгохранилищ страны находится сейчас около 12 миллионов книг, журналов, газет и т. д.

50 тысяч книг библиотеки ежегодно рассылает читателям в разные концы страны.

Обо всем этом сообщил директор библиотеки имени Салтыкова-Щедрина тов. Раков в докладе, подводящем итоги ее тридцатилетней деятельности.

точки зрения захвата этого крупного промышленного центра. В случае падения Мукдена положение изолированных гарнизонов Гириня и Чанчуня станет безнадежным. Сообщения из Китая говорят о том, что гоминдановцы обеспокоены вопросом, не следует ли им уйти из Чанчуня и Гириня в связи с критическим положением Мукдена.

Бои крупных масштабов происходят в последнее время на Шаньдунском полуострове. В сентябре министр национальной обороны Бай Цун-си на заседании ЦИК Гоминдана пообещал полностью уничтожить «коммунистические войска провинции Шаньдун». Однако ныне положение гоминдановских войск в этом районе близко к полному краху. На Шаньдунском полуострове гоминдановцы изолированы и прижаты к побережью в районах Лункоу — Чифу — Вэйхайянь. После освобождения двух железнодорожных станций вблизи порта Циндао — Гаоми и Цзюсянь — территории полуострова объединились с освобожденными районами Северного и Центрального Китая. На днях гоминдановцы сдали последний оставшийся в их руках уездный город на Шаньдунском полуострове — Лайян.

Народно-освободительная армия ведет успешные бои и в секторе, непосредственно примыкающем к Шанхаю и Нанкингу, — в устье реки Янцзы. В этом районе за последние три месяца Народно-освободительная армия уничтожила, ранена и захватила в плен 27 тысяч гоминдановцев.

Части Народно-освободительной армии, сражающиеся в провинциях Цзиньцзю, Хэньань, Аньхуэй, постоянно расширяют район военных действий. В настоящее время они ведут наступление на главный город провинции Хэньань — Каифань.

Таким образом, в ходе осенних и зимних боев гоминдановским армиям было нанесено тяжелое поражение.

О. ПРУДКОВ.

Электрификация сельского хозяйства Латвии

В Латвийской республике проведены крупные работы по электрификации сельского хозяйства. В этом году сооружено 12 сельских электростанций. К общей сети присоединено 20 новых подстанций, общей мощностью до тысячи киловатт. Установлено несколько сот электромоторов. Проведены десятки километров высоковольтных и низковольтных линий.

Электрифицированы 14 машинно-тракторных станций. А также, первые латвийские колхозы «Наковье», «Тервете», «Селия», несколько тысяч крестьянских домов, много

подсобных сельскохозяйственных предприятий, учебные заведения. В МТС, совхозах и колхозных центрах республике построено 6 радиопушек. В Бауском, Екабпилском и Талсинском уездах некоторые волости полностью электрифицированы.

В будущем году должны быть построены и введены в строй гидроэлектростанции общей мощностью до трех тысяч киловатт, 84 трансформаторные подстанции, свыше 500 километров высоковольтных и низковольтных линий.

Удостоверение об избрании депутатом Московского городского Совета депутатов трудящихся по 593-му избирательному округу вручено также Ани Александровне Каравасовой.

Энвер Ходжа

Наш Энвер — так называют его весь народ в свободной Албании. Все, от мала до велика. Он самый любимый, самый дорогой человек в стране. С именем Энвера Ходжа связаны свобода родины, победа над фашистскими захватчиками, земля, которую получили на вечное пользование албанские крестьяне, первые заводы и фабрики, начавшие работать после освобождения Албании, каждый метр железнодорожного полотна в этой стране, где до войны не было железной дороги.

Когда спрашиваешь у старой крестьянки: «Кто построил вам дом?», она отвечает: «Партия и Энвер». Это значит — коммунистическая партия Албании и ее талантливый руководитель Энвер Ходжа.

Столетним героический албанский народ претерпел турецкие и ныне иезымные захватчики. Обижалась кровью плодородная земля Албании, но маленький албанский народ прошел через века и сохранил свою культуру, свой язык и свою любовь к свободе.

Албания была одной из первых жертв фашистской агрессии в Европе. В 1939 году Муссолини обрушил свой удар на эту страну. Предатель и тиран албанского народа, продажный, трусливый король Ахмед Зогу бежал за границу, оставив государство на растерзанье итальянскому фашизму.

В Албании не покорились. С первых же дней оккупации началась партизанская война против захватчиков. И тогда враги впервые услышали легендарное имя, с благоговением произносимое албанским народом: наш Энвер.

В Южной Албании, на высоких холмах, у подножия горных вершин раскинулся старинный албанский город Аргирокастра. Красочный и неприступный, он всегда привлекал внимание знатных вассалов Восточной Италии и танту свои грязные руки к городу Аргирокастра греческие фашистско-монархические банши.

В этом чудесном уголке в ночь 3 сентября 1908 года родился славный сын албанского народа Энвер Ходжа.

Родители Энвера унаследовали только четыре гектара земли в долине Дронуи и небольшой дом в Аргирокастре. В 1913 году, во время оккупации города албанскими захватчиками, дом семьи Энвера Ходжа был сожжен.

Тогдашние зверства и палачи были против только что объявленной, пусть формальной, но все же независимости Албании и под возмущением борются за «Северный Энвер» захватчики южные районы страны. В городе Аргирокастра он с невероятным островеением вызвал истребление коренное население, жечь жилища. Для Энвера — Хисни Ходжа был горским героем, и только его мужество спасло город от полного сожжения и уничтожения.

Маленький Энвер являлся свидетелем борьбы своих родных и близких. Он видел, как убивали, кривые улицы и переулочки родного города обливались кровью албанцев и иезымных пришельцев. Он слышал стоны, доносившиеся из-за толстых, неприступных стен крепости Аргирокастра, где томилась тысяча свободных албанцев, брошенных сюда Ахмедом Зогу.

Здесь гибли лучшие сыны народа. Здесь росла и выковывалась воля молодого Энвера.

Премьер-министр Албании Энвер Ходжа на народном празднике

лучшую и более счастливую Албанию. Для нее, молодежи, идеалом будет не мягкое кресло, а благосостояние родины, действительное объединение нации, объединение, которое осуществят настоящие албанские сердца.

На всю жизнь запомнил Ходжа наезд замечательного албанского патриота Али Бельмеди, который вскоре после выхода из крепости Аргирокастра, куда на долгие годы заточили его приспешники Зогу, сказал Энверу:

— Несмотря на преследования и террор, мы должны организовать борьбу против режима Зогу.

Верный этому наказу, Энвер Ходжа с головой уходит в работу по созданию единой антифашистской организации. Он устанавливает тесные связи с революционными элементами Кочин — Кочи Дюзде, Сотир Вукаши и другими, которые к этому времени добились серьезных успехов в объединении южных партизанских отрядов.

В январе 1937 года правительство раскрывает организацию патриотов. Начинаются массовые аресты. Энвер Ходжа попадает в тюрьму. Но народ не выпускает из виду своего любимого руководителя. Энверу удается спастись от смерти казни.

Итальянская агрессия против Албании застала Энвера Ходжа в Кочине. Здесь он возглавил движение сопротивления фашистским захватчикам. После оккупации страны итальянцами центр этого движения был перенесен в столицу Албании — Тирату.

Однажды на улице Добра в Тирате открылся новый табачный магазин под названием «Флора». За прилавком стоял молодой человек в военной форме и вежливо принимал посетителей. Это был Энвер Ходжа.

Отсюда, из маленького табачного магазина, во все концы страны шли директивы в указании антифашистским борцам, здесь печатались листовки и прокламации. Энвер убеждал албанцев, напавших на вербовщиков в фашистскую армию, переходить к грекам и вместе с ними бороться против итальянских оккупантов.

По ночам стены домов в Тирате и других городах покрывались антифашистскими надписями. В горах появлялись все больше и больше партизанских отрядов и групп. По всей стране слышалось: «Наш Энвер... Его имя становилось знаменем борьбы против итальянских захватчиков. Многие еще не видели его никогда, но уже знали и любили. По его призыву люди оставляли свои убогие хаты и уходили в горы уничтожать оккупантов.

Пришло лето 1941 года. Вступление в войну великой советской страны увеличило силы албанских патриотов, всеяло в них надежду на неизбежный разгром фашизма. В это время руководитель югославских партизан Носив Броз-Тито, объединив партизанские отряды Югославия, повел беспощадную борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Решительные действия храбрых советских народов еще больше окрыляли албанских патриотов, был источник их силы и мужества.

28 октября 1941 года на улицы Тираты вышла тысяча антифашистов, решивших от победного коша вести борьбу за независимость отчизны. В первых рядах этой внушительной демонстрации все увидели Энвера Ходжа и узнали в нем молодого человека, стоявшего за прилавком табачного магазина «Флора». С этого дня ему пришлось перейти на подпольное положение.

Великая роль Энвера Ходжа в создании коммунистической партии Албании. Он стал ее боевым руководителем.

Первые листовки, выпущенные коммунистической партией Албании и написанные Энвером Ходжа вместе с кемалем Стафа, призывали народ к беспощадной борьбе против фашистских оккупантов и их албанских лакеев. Партия коммунистов и ее руководитель Энвер Ходжа стали во главе борьбы трудового народа Албании за свободу и независимость своей страны.

доставит властям Энвера Ходжа. Его фотографии были развешены в тысячах экземпляров и разосланы по всей стране. Но среди албанцев, окружающих Энвера, не нашлось предателя, который оказался бы способен выдать своего любимого руководителя.

Главномандующий, неутомимый боец и солдат, Энвер Ходжа до последних дней разгрома немецко-итальянских захватчиков руководил партизанской борьбой албанского народа. И народ полюбил его за беззаветную храбрость, за чуткость руководителя, за то, что он вместе со всеми стойко переносил невзгоды и лишения, за то, что не дрогнув, не поколебавшись он в самые тяжелые моменты, всегда оставался волевым и сильным, за то, что он освободил страну от иезымных захватчиков и внутренних врагов.

За эти заслуги албанский народ сделал коммуниста Энвера Ходжа главой своего демократического государства. Албанский народ отлично понял, что только благодаря коммунистической партии он стал свободным и независимым, а страна получила неограниченные возможности развития. Неудивительно, что ныне даже старухи-крестьянки в деревнях говорят:

— Наша партия. Наш Энвер... Вряд ли сейчас найдется в Албании человек, который бы лично не знал Энвера Ходжа — неутомимого, кипучего человека, выдающегося государственного деятеля. С приветливой улыбкой, располагающей сердца людей, Энвер Ходжа появляется то на заводах и фабриках, то на строительных железных и шоссейных дорогах, то на полях, где работают крестьяне — бывшие партизаны, теперь обрабатывающие уже свою собственную землю. На вопрос, как им живется, они отвечают:

— Хорошо, товарищ Энвер! Когда ты с нами, нам ничего не страшно! Часто бывает Ходжа и в домах погибших партизан, справляясь о том, как живут семьи героев.

Энвер Ходжа превратил дворцы бывшего короля Ахмеда Зогу в обсерватории и помешков в дома культуры и клубы. Народ, который никогда раньше не видел театральные представления, сегодня имеет свои национальные театры, свои самодеятельные коллективы, где молодежь проводит досуг.

Много приходится работать Энверу Ходжа, чтобы восстановить разрушенную страну и ускорить ее начавшийся расцвет.

Он лично участвовал в разделе земельных участков, которые были розданы крестьянам.

Он заботится о том, чтобы полностью ликвидировать безграмотность в стране, где до войны было девяносто пять процентов неграмотных.

Сейчас Энвер Ходжа и его соратники закончили составление пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства Албании. Скоро этот план будет передан на утверждение Народному собранию.

Албанский народ верит, что нет на свете силы, способной покорить свобододолюбивое, истинно демократическое государство, против которого с таким ожесточением выступают англо-американские реакционеры, стремящиеся уничтожить свободу и независимость Албании.

Албанский народ помнит, как в декабре 1944 года, после полного освобождения страны от итапо-немецких захватчиков Народной-освободительной армией во главе с Энвером Ходжа, англо-американское командование в Средиземном море в ультимативной форме потребовало разрешения на высадку в албанских портах десантных войск для «помощи» Албании. Но Энвер Ходжа прекрасно понимал, о какой «помощи» и о каком «освобождении» говорил англо-американские генералы, удобно окопавшиеся в Риме. Он полтрез отказался принять этот ультиматум и тем самым спас свою страну и свой народ от печальной судьбы сегодняшней Греции.

Трудится и цветет демократическая Албания на берегах теплого Адриатического моря.

Странам новой демократии, где руководит государством люди, подобные Энверу Ходжа, не страшны ни провокации мировой реакции, ни злобный вой внутренних врагов.

Дмитрий СТЕПАНОВ

75 дней на Генеральной ассамблее

Заметки наблюдателя

Генеральная ассамблея заседала с 16 сентября по 29 ноября 1947 года. На ее повестке значилось около восьмидесяти вопросов, которые рассматривались в многочисленных комиссиях, комитетах, подкомитетах и на самой ассамблее. В течение двух с половиной месяцев 57 делегаций, представлявшие 57 государств мира, выступили с речами, заявлениями и декларациями. Эти речи попадали затем на страницы тысяч газет, передавались по радио, телеграфу и телефону. Миллионы людей в самых разнообразных углах земного шара слушали и читали сообщения о заседаниях Генеральной ассамблеи организации Объединенных Наций. Огромное большинство этих слушателей и читателей в капиталистических странах, однако, реально не представляло себе ни действительного содержания борьбы, происходившей на сессии Генеральной ассамблеи, ни тех методов, при помощи которых эта борьба велась.

Настоящие заметки наблюдателя, присутствовавшего на заседаниях Генеральной ассамблеи и ее комитетов, не претендуют на исчерпывающее освещение этой борьбы. Задача этих заметок заключается в том, чтобы дать представление советскому читателю об атмосфере, ассамблеи и о методах, при помощи которых американская делегация пыталась провести в жизнь свои планы и намерения, используя голоса подчиненных ей делегаций.

Кто слушает выступающих делегатов Генеральной ассамблеи? Аудитория ассамблеи делится на две части: видимую и невидимую. Видимая часть — это публика, которая по особым билетам допускается на заседания Генеральной ассамблеи и комитетов. Ввиду недостаточности помещения (официальная версия) пускают не всех желающих попасть на заседания, а по особому отбору. Само собой разумеется, что люди, работающие на фабриках или в учреждениях, не могут попасть сюда. Вот почему на заседаниях присутствуют лишь те, кто, как правило, ничего не делает. Большой частью это женщины «бальзаковского возраста» и старики, принадлежащие к состоятельным классам Нью-Йорка.

Они посещают заседания Генеральной ассамблеи так же, как любые другие зрители, не забывая при этом захватить с собой рукоделье, чем они и занимаются во время заседаний. В перерывах они осаждают наиболее видных делегатов, настойчиво добывая от них автографов, для чего подсовывают им специальные книжечки, представляющие собой коллекцию фамилий всякого рода «знаменитостей». Такие «альбомы» лежат у них обычно в сапогах и служат предметом восхищения со стороны гостей, не обладающих подобными «артефактами».

Невидимая аудитория Генеральной ассамблеи, конечно, несомненно более значительна с общественной и политической точки зрения, чем аудитория видимая. Все речи, произносимые на ассамблее, передаются на тех же пяти языках, эти речи и управляют всем миром — их слушают, чтобы добиться того, чтобы весь мир усвоил их полдюжины содержания.

Стремясь добиться господства на Генеральной ассамблее, американская делегация уже на второй день после открытия сессии начала наступление. В речи Маршалла 17 сентября заключались три основных пункта: 1) ограничение применения принципа единогласия в Совете безопасности; 2) вынести решение по греческому вопросу; 3) созвать так называемую Малую ассамблею, которая заседала бы непрерывно между двумя очередными сессиями Генеральной ассамблеи.

Все три предложения были направлены против СССР и стран новой демократии. Если бы удалось ограничить применение принципа единогласия в Совете безопасности, то тем самым можно было бы в соответствующих случаях навязывать Советскому Союзу волю американского монополистического капитала и распоряжаться таким образом в Совете безопасности, как у себя дома.

Если бы удалось создать полномочную комиссию ООН по балканским делам, то эта комиссия явилась бы орудием в руках США для хозяйничанья на Балканах теми же методами, какие применяют американцы в Греции. Более того, в Греции США грубо вмешиваются во внутренние дела страны, действуя от собственного имени. При наличии комиссии ООН, США осуществляли бы столь же грубое вмешательство во внутренние дела всех балканских государств, но действовали бы при этом уже от имени Международной организации и прикрывались бы ее авторитетом.

Если бы американцам удалось созвать Малую ассамблею в том виде, какой они ее задумали, — они добились бы полного сведения на-нет Совета безопасности, то во всяком случае серьезного умаления той роли, какую устав ООН отводит Совету. Проводя при содействии послушного большинства в Малой ассамблее свои предложения, США настаивали бы в Совете безопасности на их принятии, поскольку они, дескать, были одобрены большинством членов ООН.

Американская печать констатировала, что наступление Маршалла началось при благоприятных для него условиях. Советскому Союзу оставалось, как предвещали американская печать и американские политические деятели, занять оборонительную позицию, причем оборона эта должна была вестись именно на тех трех участках дипломатического фронта, где началось американское наступление.

Однако уже на второй день работы Генеральной ассамблеи, выражаясь военным языком, наступило замешательство в рядах противника. Советская делегация не только не заняла оборонительную позицию, но, наоборот, сама перешла в наступление и при этом на таком участке, который она сама выбрала и где ее наступления не ждали.

18 сентября в зале Генеральной ассамблеи прозвучала речь А. Я. Вышинского о поджигателях войны.

Только очень наивные люди могут считать, что война вспыхивает «внезапно». В действительности, как известно, начало войны является концом длительного периода ее подготовки — как материальной, так и политико-психологической. Разоблачить эту подготовку войны, назвать по именам и схватить за руку конкретных поджигателей, предать их суду общественного мнения — это значит нанести серьезный удар по планам тех, кто готовит очередную мировую войну.

Никогда все же наша дипломатия не говорила таким языком, как на этой сессии Генеральной ассамблеи при разоблачении преступников в самый момент подготовки преступления. Этот язык советской дипломатии позволил ей назвать вещи своими именами, не прикрываясь всякого рода дипломатическими условностями. На этом языке преступления назывались преступлениями, а преступники — преступниками, хотя некоторые из них и сидели тут же в зале. Все это произвело ошеломляющее впечатление и на видимую, и на невидимую аудиторию.

Советская делегация ухватила основное звание в цепи соединившейся международной политики капиталистического мира. Гневная и страстно-обличительная речь А. Я. Вышинского о поджигателях войны дошла до невидимой аудитории именно потому, что огромное ее большинство, большинство простых людей в капиталистических странах, не хочет войны.

Делегация США заявила, что она не согласится на принятие резолюции о поджигателях войны, в какой бы форме эта резолюция ни была выработана.

И та же делегация США оказалась вынужденной голосовать за резолюцию, осуждающую подготовку войны.

В чем заключается механика голосования в Генеральной ассамблее? Решения по важному вопросу ассамблея принимает большинством в две трети голосов. Учитываются только голосующие «за» или «против», но не учитываются воздержавшиеся при голосовании. Таким образом, сколько бы ни было воздержавшихся, принимается то решение, за которое было подано больше голосов, чем против него.

При такой системе может получиться, что решение принимается не действительным большинством ассамблеи, а меньшинством. Так, если при голосовании 21 делегация (из общего количества 57) воздержалась, то достаточно, чтобы 24 делегации проголосовали «за», а 12 «против», — и решение будет принято. Между тем 24 голосующих «за» составляют меньшинство ассамблеи.

Момент голосования является решающим, хотя все прекрасно понимают, что неожиданности при голосовании случаются редко. Голосование той или иной делегации буржуазных стран большей частью предпринимается по особому плану. В особенности это относится, конечно, к голосованию тех стран, которые направлены против Советского Союза и стран новой демократии. Вот заявления представителей двух делегаций, сделанные ими в «частном разговоре».

Один из них сказал, обращаясь к члену советской делегации: «У нас аргументы, а у нас голоса». Таким образом, какими бы доводами ни приводили советские делегаты, как бы убедительно они ни говорили, какая бы правда ни была на их стороне, — игра на голосах решит вопрос так, как заранее было намечено «хозяйскими голосами».

Этот делегат нарисовал картину голосования в наиболее типичной форме, а другой делегат внес в эту картину некоторые весьма интересные дополнения. Он сказал: «Я лично полностью убежден в вашей правоте, но что же мне делать, если инструкция о моем голосовании лежит у меня в кармане?»

И все-таки можно ли отсюда делать вывод, что всякая попытка изменить заранее предпринятые результаты голосования во всех случаях обречена на неудачу? Такое заключение было бы неверным. Оно означало бы и отказ от всякой борьбы.

Борьба, которую вела советская делегация в течение почти трехмесячной работы Генеральной ассамблеи, показала, что американской делегации отнюдь не удалось сделать ее полномочным «распорядителем голосов», и таким образом, не удалось захватить лидерство на сессии, несмотря на те откровенные и циничные методы давления, которые она применяла по отношению к отдельным делегациям.

Наибольшую трудность при голосовании возникало для некоторых делегаций при так называемом поименном голосовании. Когда голосуют при помощи поднятия рук, беглый взгляд на правую руку делегата США достаточно для многих делегатов в смысле выяснения их собственного мнения. Но как быть делегатам Бразилии или Чили, если эти страны при поименном голосовании называются в порядке алфавита раньше, чем США? Как быть, если не удалось столкнуть до голосования этого «неудобства» и было высказано предложение, чтобы поименное голосование начиналось не в порядке алфавита, а в порядке «ребячьей». Во многих случаях может получиться, что США придется голосовать раньше Бразилии и Чили. Тогда будет все ясно.

Такова механика голосования на ассамблее.

Одна из особенностей второй сессии Генеральной ассамблеи — большое число воздержавшихся при голосовании по ряду серьезных и важных вопросов. Иногда оно достигало почти 20 голосов.

Следует отметить такое явление? Если принять во внимание все сказанное и претензии США на лидерство в ассамблее, если

участь разнообразные методы давления США на отдельные делегации, то станет очевидно, что большое число воздержавшихся при голосовании означает своеобразную форму сопротивления американскому давлению.

Воздержавшиеся при голосовании еще не имели мужества и достаточной независимости, чтобы голосовать против США. Вместе с тем они уже обладали достаточной силой для того, чтобы не голосовать за США.

Большое число воздержавшихся мешало Соединенным Штатам добиться того, к чему они стремились на этой ассамблее: безоговорочного «штемплевания» американских предложений. «Всесоюзность» получилась весьма относительная.

Лейбористскую внешнюю политику на ассамблее представлял Макнейл. Для высшего доказательства того, что лейбористы являются социалистами, Макнейл неизменно носил красный галстук. Никаких других «критикуемых» социалистических убеждений ему не удалось проявить.

Было бы бесполезным трудом искать какую-либо разницу в позициях делегаций, представлявших монополистический капитал США, с одной стороны, и лейбористское правительство Великобритании, с другой. На всем протяжении работы ассамблеи Макнейл позволял себе один раз разойтись с американской делегацией. Это произошло во время дискуссии по испанскому вопросу. Как известно, в прошлом году Генеральная ассамблея приняла межсоюзную резолюцию по поводу фашистского режима Франко. Резолюция осталась на бумаге, поскольку США и Великобритания продолжают политически и экономически поддерживать испанского послышца Титлера и Муссолини. На этой ассамблее обсуждалось предложение о подтверждении прошлогодней резолюции.

И здесь Макнейл разошелся со своим американским коллегой!

Он согласился голосовать за подтверждение этой резолюции, в то время как американский делегат цинично и откровенно заявил, что будет голосовать против подтверждения резолюции по испанскому вопросу. В свете систематической поддержки лейбористским правительством режима Франко жест Макнейла выглядел клоунадой.

Если лейбористская дипломатия на ассамблее открыто взяла на себя защиту реакционной политики американского монополистического капитала, что достаточно откровенно проявилось в выступлениях и речах английских дипломатов, то позиция французской дипломатии была прикрыта завесой полного молчания. Почти ни по одному из тех вопросов, какие стояли на повестке дня ассамблеи, французская делегация не высказывалась, что, однако, не мешало ей неизменно голосовать вместе с США и Великобританией.

Франция нечего было сказать! Стоял ли во главе ее делегации Видо или — во второй половине сессии — французский политик Дельбо, который в 1936 году разделил вместе с Леонидом Блюмом «чуждое изобретение Коминтерна» по немоществу в испанские дела, — французская делегация все равно упорно отключилась. Это молчание лишний раз свидетельствует о том, что Франция только номинально является великой державой. Усилия ее послесовенных политиков — де Голля, Блюма, Видо, Рамаяде и Шумана — она заняла место на задворках американской внешней политики. Еще недавно — на различных международных конференциях французская дипломатия пыталась уверить общественное мнение своей страны, что назначение Франции состоит в том, чтобы «примирять» противоречия между Западом и Востоком, между США и СССР. Благодаря такой «самостоятельной» политике Франция, дескать, сможет играть едва ли не решающую роль. Телори французской дипломатии даже не пытался возразить эту цепкую. Безоговорочно и безмолвно французский делегат поднимал свою руку тогда, когда поднималась американская рука.

Каковы же итоги борьбы, которая развернулась на сессии Генеральной ассамблеи? Они могут быть сведены к следующему.

Советское выступление нанесло сокрушительный удар поджигателям войны, разоблачило конкретных преступников и в значительной мере сместило их карты.

США не удалось получить лидерства на ассамблее и заставить 56 делегаций штемплевать предложение государственного департамента. Огромное количество воздержавшихся от голосования свидетельствует о том, что США не удалось сколотить то постоянное и прочное большинство, к чему они стремились, и что ряд стран уже не согласен голосовать за США, хотя еще и не решается голосовать против них.

Благодаря решительной позиции, занятой делегацией СССР и поддерживавшими ее делегациями, США, во-первых, вынуждены были на этой сессии отказаться от принятия решений и даже от серьезной дискуссии по таким, например, вопросам, как принятие единогласия в Совете безопасности и ревизия мирного договора с Италией. Хотя Соединенные Штаты формально добились принятия решений о создании Балканской комиссии и Малой ассамблеи, — все же отказ шести делегаций принести участие в работе Балканской комиссии и Малой ассамблеи делает обе эти организации мертворожденными.

Советский Союз и страны новой демократии возглавили на ассамблее внушительный антиколониальный блок, направленный против закабаления колониальных народов.

Борьба во второй сессии Генеральной ассамблеи воочию показала, что игра на голосах и формальное большинство, которого США добивались по некоторым вопросам, не являются признаком одержанной победы.

В результате почти трехмесячной работы ассамблеи морально-политическая победа осталась за СССР.

Б. ШАТРОВ
НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА.

Рукописи неопубликованных произведений А. М. Горького

Архив М. Горького в Москве пополняется за последнее время новыми материалами, связанными с жизнью и деятельностью великого писателя.

Е. Пешкова передала архиву рукописи неопубликованных стихотворений А. Горького.

«Минута идет за минутой», «На берег пустынный», «Как странники по торной дороге», ряд отрывков писателя на стихах начинающих поэтов и более двадцати писем к Горькому от разных лиц. От Н. Пешковой получены письма А. М. Горького к художнику И. Н. Ракитскому.

Вдова Ромэн Роллана — М. П. Роллан — передала архиву фотографии писем А. М. Горького к ее покойному мужу и стра-

нички из дневника Р. Роллана, содержащие воспоминания французского писателя о встречах с Горьким.

Архив получил также письма-автографы Горького к Г. Успенскому, Н. Михайловскому, А. Н. Толстому и другим писателям. Среди приобретенных архивом писем, дарованных Горькому, обращает на себя внимание 23 письма-автографа А. П. Чехова.

Факты без комментариев

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

В городе Окленд (Новая Зеландия) ветеран второй мировой войны Леланд Генир Стрейнджер в холодный дождливый день был вместе с женой и четырьмя маленькими детьми выброшен из занимаемой им квартиры по той причине, что владельцы дома вздумали заново отделать ее помещением. Стрейнджер долго и безуспешно искал пристанища и, наконец, обратился в полицию с просьбой принять его детей. Но и там ему отказали, пояснив, что он вправе рассчитывать на удовлетворение своей просьбы лишь после того, как будет задержан хотя бы за совершение какого-либо хулиганского поступка.

СПЕКУЛЯНТЫ В ВОЕННЫХ МУНДИРАХ

Сотрудник американской армейской газеты «Старк энд Страйпс» некий Курт Раух задержан на днях, как спекулянт валюты и контрабандист, тайно перевозивший через австро-германскую границу товары для черного рынка. Упомянутый журналист является лишь одним из многих американцев в военных мундирах, которые занимаются сейчас на черном рынке Германии и Австрии разнузданной спекуляцией сигаретами, жирами, кофе и всевозможными другими товарами. По данным американской печати, спекуляция сигаретами приносила этим изворотливым бизнесменам миллионы прибыли.

ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА

Между Аравией и Африкой, как сообщает новозеландская газета «Пилас войс», до сих пор ведется торговля черными рабами. Больше того: торговля эта процветает, поскольку английские и американские нефтяные компании выплачивают арабским «комиссионерам» большие деньги за поставку рабов. За черного мужчину рыцари англо-американской «демократии» платят 100 фунтов стерлингов, за черную женщину — 50 фунтов.

Пустое, рабское, слепое подражание

В Москве, как известно, имеется Государственный Литературный музей. А у нас есть свое издательство, выпускающее книги, посвященные крупнейшим писателям. Вот одна из таких книг. «А. Грибоедов». Сборник статей под редакцией И. Клубовского и А. Слоимского. Москва, 1946 г.

В предисловии редакция говорит: «Во всех статьях сборника или ставится новый вопрос, или же старые вопросы разрешаются под новым углом зрения. В этом смысле появления его в печати».

Редакция Государственного Литературного музея умеет держать свое слово: чего-то, а «новых углов зрения» на «старые вопросы» в сборнике хоть отбавляй.

Вот хотя бы первую, так сказать, программную статью А. Штейна под многообещающим заглавием «Национальное своеобразие «Горя от ума». В ней, что ни строка, то «новый угол зрения».

«Новая русская литература начала развиваться на два века позднее, чем новая литература других европейских стран», — так начинает А. Штейн свою статью. Всех европейских стран? Так ли? И так-таки «на два века»? А гениальный Ломоносов? А целая плеяда блестящих и оригинальных писателей второй половины XVIII века — Фонвизин, Державин, Радищев, Новиков, Крылов?

Дальше — не лучше: «Для того, чтобы определить национальное своеобразие «Горя от ума», шаг, сделанный Грибоедовым в художественном развитии человечества, необходимо сравнить его комедию с тем, что давала западноевропейская комедия XVII—XVIII вв. Да полно, так ли? Ведь писали же о Грибоедове и его комедии, не прибегая к подобным сравнениям, и Белинский и Гончаров. Зачем же понадобился вдруг А. Штейну такой «новый угол зрения»?

Затем следуют более или менее безбидные трюизмы, вроде того, что «Мольер... величайший комедиограф нового времени», что «тема «Грибоедов и Мольер» или, точнее, «Альцест и Чацкий» — классическая тема русского литературоведения, нужные автору для вывода о том, что «в сопоставлении Грибоедова с Мольером есть большой смысл».

При этом А. Штейн ничуть не смущается резко критическими оценками Грибоедова у Мольера, вроде следующего: «Да и я, коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере, числительное его; портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии... Для того, чтобы добраться до сопоставления «Мизантропа» с «Горем от ума», автору понадобилось занять три страницы на «предварительные замечания» по поводу Мольера вообще и «Мизантропа» в частности.

В этих «замечаниях», как во все Софьи Павловны Фамусовой, «все есть, коли нет обмана». А больше всего непролазная «суетность», к которой А. Штейн не терпит приобщить своих читателей. Так, попутно с беглым и довольно бессвязным анализом «Мизантропа», он считает не лишним сообщить о том, что «самая известная критика комедии Мольера принадлежит перу Жан-Жака Руссо», и о том, что с Мольером полемизируют два драматурга XVIII века — Делуш и Фабр д'Эглантин, и даже что Альцест — современник Ларошфуко.

На 7-й странице статьи автор добирается, наконец, и до вывода по существу: Грибоедов «создает комедию, разоблачающую аристократическо-бюрократическое общество в целом. Это — общественная комедия, новый тип комедии, открытый и разработанный русскими писателями». Наконец-то! — восклицает читатель.

Но не тут-то было! Оказывается, «Грибоедов ломает стройную и законченную композицию классической комедии», т. е. опять-таки всего лишь танцует от пьетки, от Мольера.

Хорошо ли это или плохо, с точки зрения автора, решить довольно трудно. Много ли, в самом деле, поемши из следующего хотя бы «анализа».

«Новаторский характер построения комедии наглядно можно показать на анализе остатков старой комедийной схемы. Ведь Фамусов растет из традиционной фигуры отца-опекуна... В последней сцене... он напоминает Бартоло из «Севильского цирюльника», у которого похитили Розину. Если в образе Скалозуба остались черты хвастливого капитана из старой commedia dell'arte, то Чацкий и Молчалив зани-

мают в комедии место двух возлюбленных, а Лица — место слуганки, помогающей Барше».

Но как изменился весь строй сюжета! Софья не бежит ни с кем из возлюбленных. Между соперниками, по существу, нет активной борьбы. Нет и борьбы любовников против отца... Все возможные свадьбы расстраиваются, а комедия кончается трагическим диссонансом...»

Опять, как видите, «чи черти, и любовь, и страхи, и цветы». Но вот, наконец, и «самозначительный» вывод: «Мы видели, с каким трудом прощупываются в персонажах «Горя от ума» остатки традиционных типов комедии».

Еще бы не с трудом им «прощупываться», когда их в «Горе от ума» никогда и не было. Ведь в том-то и есть национальное своеобразие бессмертной русской комедии, что — дадим слово самому А. Штейну — «вместо традиционных типов французской комедии перед нами оригинальные характеры, необычайно широко образованные социально и психологически».

А. Штейн продолжает и дальше свои литературоведческие рассуждения, уводя читателя в даль веков.

«В III сатире Ювенала республиканец Умбриний покидает развратный Рим и ищет спасения вне стен родного города. Едва хотев, в образе Чацкого, бегущего из Москвы, снова оживает эта ситуация...»

«В слухах Чацкого — критика пороков в духе буржуазного классицизма. Перед нами Чацкий — трибун, Чацкий — классик, Чацкий — сатирик, Чацкий — негодяй и бичующий порок с позиций высоких гражданских идеалов античности...»

Итак, Чацкий сочетает негодование в духе классицизма XVIII века с классической шутовщиной и иронией — цветами просветительского разума. Но при всем этом Чацкий — романтик, ушедший в мечтательные идеалы...»

«В одиночестве Чацкого, человека со свободной волей и гордой душой, есть героизм, сближающий его с героями байронических поэм...»

Таковы образцы «исследований» А. Штейна.

Покончив с идейной стороной образа Чацкого, А. Штейн переходит к его психологической стороне и так ее раскрывает: «В том, что Чацкий остается Молчаливым, — больше отчаяние открытого любовника, нежели логика трибуна-обличителя. Параллельно отрезвлению, Чацкий все больше приходит в ярость, теряет самообладание. Вопреки своему заявлению Софье: «Ог сумасшествия моя я остережусь», — он ведет себя в последних сценах несдержанно и раздраженно, как безумный».

Как вам нравится такой вывод? Не правда ли, свежо, ново, оригинально? Эдакая вдруг солидаризация «под занавес» с почетным Павлом Афанасьевичем Фамусовым.

Но прежде, чем сделать кое-какие выводы, — еще одну, последнюю цитату, так сказать, для утешения здания: «Грибоедов и Пушкин блестяще поняли силу и прелесть метода Вольтера, смогли передать его русской литературе и сделать достоянием нашей культуры».

Защита разума и прогресса, трезвость и насмешливость, остроумие и шутовская ирония — черты ума, черты мировоззрения самого Грибоедова. Но для обработки своих мыслей и наблюдений над русской жизнью Грибоедов прибег к точной, ясной, чеканной форме, к просветительскому жанру, выработанному французцами. Это удалось ему потому, что русский ум и национальный характер, враждебные бесплотной мистике и неопределенности, были подготовлены к восприятию идей и метода Вольтера».

Все так ясно и просто: роль Грибоедова (а заодно уж и Пушкина!) раз навсегда определена с исчерпывающей полнотой и непрекращаемой ясностью: «передать русскую литературу и сделать достоянием нашей культуры метод Вольтера».

Статья А. Штейна — яркий показатель того, как крепко держится еще кое в ком «книжечный» дух пустого, рабского, слепого подражания, против которого в свое время так пламенно протестовал великий русский писатель и патриот Грибоедов.

И. САВСТЯНОВ,
преподаватель литературы 29-й школы им. А. С. Грибоедова.
МОСКВА.

Повседневное буржуазное дикарство

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Недавно я слушала очередную английскую радиопередачу на русском языке. Диктор объявил, что будет передаваться беседа о лондонских театрах.

Автор беседы — некая Лена Чиверс, недавно посетившая СССР, заявила, что хочет сравнить постановку пьесы «Глубокие корни» в лондонском театре и в Московском театре им. Вахтангова. Я видела этот спектакль в театре им. Вахтангова, и мне было интересно узнать, как поставлена эта пьеса в Лондоне, тем более, что, по словам автора беседы, «обе постановки очень разные». Однако сущность этого различия осталась для меня таинственной, так как трудно было сделать какой-либо вывод из того, что «роль матери-негрятки, блестяще сыгранная в Театре им. Вахтангова, не так удачна в лондонской постановке, где мать на вид младше, а в «американцы вышли лучше» в Лондоне. А этим утверждением исчерпывалась вся «критический» анализ Лены Чиверс.

Автор, очевидно, вообще мало интересуется самым театром, ибо ее московские театральные впечатления ограничались лишь воспоминаниями о «замечательных пирижках», которые она кушала в антрактах. «Мы до такого искусства еще далеко не дошли!» — откровенно признается Чиверс.

Не потрудившись описать лондонскую постановку и дать хотя бы элементарную оценку обним спектаклям, она предпочла подробно рассказывать о том, как вел себя лондонский зритель. Так, я узнала, что, заняв очередь у входа на галерею, они любят до начала спектакля развлекаться представлениями уличных артистов, которые, поют, играют на гудьон гармошке или просто стоят на голове. В театре лондонцы, оказывается, также ведут себя «естественно», как в Советском Союзе. Чтобы не задерживаться по окончании спектакля, они не оставляют верхнюю одежду в гардеробе: мужчины обычно прычут пальто под стул, а дамы, держа в руках перчатки, сумочки, зонтики и т. п., вешают пальто на спинку стула или кладут на колени.

Советский зритель ценит и уважает театр, он привык к серьезным, содержательным статьям и радиопередачам, посвященным разбору спектаклей. А английские радиовещатели передают нелепую болтовню любительниц пирижков. Все это представляет собою буржуазное дикарство, вызывающее презрение и недоумение у советских слушателей.

И. ВОЛОДИНА,
редактор Детизна.
МОСКВА.

Бюрократическая отписка Коиза

«Почему нет в продаже детской книги?» Под таким заголовком были напечатаны в «Литературной газете» № 62 от 10 декабря письмо читателя тов. Талан, сообщавшего, что в магазинах Москвы нет детской книги, письмо директора Детизна тов. Д. Дубровиной о том, что в Москве Коиза на фабрике детской книги № 1 (г. Москва) лежит свыше полутора миллионов книг, и фотобюроение.

Прошло две недели. Мы получили новые письма читателей т. М. Болотовой из Москвы, Г. Клячкина из Казани, В. Орлова из станции Ново-Титаревская, Краснодарского края, и из других пунктов Советского Союза. Детской книги нет нигде.

Где же она?

Все там же, на фабрике детской книги № 1.

Дирекция Детизна нам снова сообщила:

— Сегодня в экспедиции и цехах фабрики находится уже не полтора, а два с половиной миллиона экземпляров детской книги.

Как же реагирует на эти возмутительные факты дирекция Коиза, по вине которой скопилось огромное количество детской книги на фабрике и нет их в магазинах? Заместитель директора Коиза т. Иванов в своем ответе пишет:

«Считаю указание тов. Дубровиной о задержке Коизом вывоза литературы из типографии издательства справедливым, Коиза принимает необходимые меры к своевременному вывозу литературы на свои склады и к быстрой доставке ее на места».

Хороши эти «меры», если количество книг на складе с каждым днем растет все больше и больше.

ЗАГАДОЧНЫЕ СПИСКИ

Когда появляется новая пьеса, возникает необходимость познать ее театр. Задачу эту призван выполнять Отдел распространения Управления по охране авторских прав. Отдел распространения — единственный источник пополнения театрального репертуара современными советскими пьесами.

Но отдел не волен в своих действиях. Он зависит от Главного управления театров. Комитет по делам искусств и выполняет лишь то, что предписывает ему это Управление. А оно влечет новую пьесу на сцену в сотне экземпляров, нишу в 50, а новую препровождает с загадочным указанием: «Разослать в театры по списку ГУТ».

После такого указания пьеса будет отпечатана тиражом в 41 экземпляр. Ибо именно это количество театров значится в списке, о котором идет речь. Список ГУТ имеет целью не всеобщее распространение пьесы, а наоборот ее сокращение. Можно поручиться, что это одно из наиболее загадочных произведений канцелярской литературы.

Все театры, в нем перечисленные, находятся в областных и краевых городах РСФСР. И, наверное, даже сам тов. Ю. С. Калашников — начальник Главного управления театров, подлинный этот перечень не сможет объяснить, почему та или иная пьеса может быть поставлена в Омске, Ярославле или Казани и не годится для театров Одессы, Вильноса или Днепродзержинска.

Тем не менее этот документ оказывает свое влияние не только на Отдел распространения. Влиянию его подвержены и органы Комитета по делам искусств, ведающие репертуаром театров. Зачастую, в постановлении, разрешающем постановку пьесы, содержится указание о том, что данное

ЧТО МЕШАЕТ РАСПРОСТРАНЕНИЮ СОВЕТСКИХ ПЬЕС?

произведение может быть поставлено только в театрах, обозначенных все в том же списке.

Почему? Почему пьесу, которую можно посмотреть в Дзуджикау и Омске, нельзя показывать в Тюмени или Сталинабаде? Но вот пьеса передана в Главное управление театров без угрожающей ссылки на канцелярский список. И вот уже рука начальника начертала на ней благожелательную резолюцию: «Печатать и рассылать по требованию театров».

Как будто все хорошо и пьеса может рассчитывать на широкое распространение?

Нет! Получив такую резолюцию, Отдел распространения уверенно размокает пьесу в количестве... 8 экземпляров. Ибо «благожелательная» резолюция тов. Калашникова о рассылке пьесы «по требованию театров» — не что иное, как своего рода шифр, который помогает Главному управлению театров вести плохую игру, сохраняя при этом весьма приятную мину.

В самом деле: представить, что автор пьесы заявит претензии на недостаточное распространение пьесы. Тогда ему можно документально доказать, что любой театр может получить его пьесу и с ней познакомиться. А если театры не требуют — нельзя же их невольить...

Но сам тов. Калашников отлично знает, что требования на пьесу не поступают. Не поступают потому, что театры просто не знают о появлении новой пьесы и неоткуда им об

этом узнать. Никто не оповещает театры о выходе новых пьес.

Но, кроме описанных способов ограничить распространение пьесы, в распоряжении Главного управления театров имеются и другие. На изданиях Отдела распространения часто встречается пометка о тираже в 100, 150, 200 экземпляров. А ведь театров в Советском Союзе гораздо больше!

К чему приводит отсутствие принципиальной и разумной системы распространения новых пьес советских авторов?

Результат весьма выразителен: в октябре 1947 года, более чем год спустя после опубликования постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров, почти место по числу спектаклей занимали не современные советская пьеса, а переводная — «Глубокие корни».

ЦК ВКП(б) в своем постановлении предложил Комитету по делам искусств «устранить препятствия, мешающие опубликованию, распространению и постановке в театрах пьес советских драматургов».

Помнит ли об этом в Комитете по делам искусств? Почему Главное управление театров, которое, казалось бы, должно содействовать широкому распространению современных советских пьес, делает все возможное для того, чтобы помешать театрам с ними познакомиться?

Хотелось бы, чтобы Комитет по делам искусств дал ответ на эти вопросы.

Эту тему более необходимо, что в Отделе распространения ни авторы пьес, ни режиссеры театров не могут получить никаких разъяснений. Мы также не могли получить здесь ни одного ответа на предложенные вопросы. Более того, оказалось, что Отдел распространения «е имеет права» дать обычную информацию о том, как распространяется советский репертуар...

Мы хотим видеть его лицо

Д. ДАНИН

1. Вот рисунок: вдаль убегает дорога, на горизонте холмы, к ним прижалось маленькое селенце... По дороге размахистым шагом идет человек. Мы не видим его лица — оно обращено к горизонту, а перед нами — сапоги, вешевый мешок на спине.

Вот трагедия: мрачная лесная чаща, суровое небо над ней, на опушке развилка дорог... Припикнул к земле, лежит человек с автоматом в руках. Мы не видим его лица — оно обращено к лесу, а перед нами — огромные ступни человека, мхаскалат, карманные облегающий его фигуру, кашпош на голове.

Вот заставка: впаханная зыбь, трактор, уходящий в едва намеченную перспективу, влечет за собой борону... На машине сидит тракториста. Мы не видим его лица — оно обращено вдаль, а перед нами — спина черного комбинезона, руки на рычаге.

Вот еще рисунок, еще трагедия, еще заставка. И всюду одна и та же черта: человек без лица, человек, охарактеризованный только признаками его профессии, его действиями, — сиюминутными обстоятельствами его жизни.

Что же это? О чем идет речь? Это — добросовестные иллюстрации к сборникам стихов и к поэмам, увидевшим свет в 1947 году. Это не упрек художникам-графикам. Может быть, сами того не подозревая, они дали нагляднейшее выражение главной беде, свойственной сегодня творчеству очень многих наших поэтов.

Безликий герой или, даже, просто безгеройность! — не в том ли основная слабость, с какой мы чаще всего встречаемся в современной поэзии? И если это верно, то естественно, что она — эта слабость — явнее всего должна проявляться в том поэтическом жанре, который ей легче всего наиболее чувствительно паразитить: в поэме! Так оно и происходит на деле.

2. Но почему вообще возникает вопрос о существующих грехах нашей неуловимо развивающейся поэзии? После блестящего разговора о возможности в годы Отечественной войны, «поименных стихов» стало «выше доверенной нормы». И с каждым годом мы становимся требовательней к тому, что создается нашей литературой.

Если о прозе нашей мы еще так часто совершенно справедливо говорим, что она, несмотря на все свои достижения, все-таки несравненно беднее по своему содержанию, чем сама жизнь нашего народа, нашего социалистического мира, — то что же сказать о поэзии уходящего года с точки зрения такого высокого и неопровержимо верного критерия?

Наша поэзия участвует в творчестве жизни. В этом весь ее пафос. Но в этом же источник той требовательности, с какой мы можем и должны к ней относиться.

Поэзия наша призвана прежде всего рассказывать социалистическому человеку о нем самом, — о его взглядах на вещи, о его психологии, делах и помыслах, о его роли в жизни. Об этом, прежде всего об этом! Но такое «прежде всего» огромно, как сам новый мир.

Наша литература приобрела историческое право на знание современной литературы мира и потому, что она сделала своим содержанием историческое значение, социальный смысл каждого отдельного человеческого бытия. Она рассматривает человека и судит его с точки зрения Истории — движущей в Будущее, и она способна судить так именно человека — человеческую личность, а не только «единицу в массе». Сегодня безликий герой в литературе — это уже не просто выражение бессомнощности писателя, как художника. Согласился ли он с этим или не согласился, но это, вместе с тем, и выражение его косности, его непонимания нашего времени, которое осуществляет провозглашенное Марксом возвращение человека к человеку! Так не пора ли и поэзии понять это, как свою главную идейно-эстетическую задачу? Не бесконечные, возвышенные или скромные, точные или неточные описания, не риторика, не отвлеченное морализирование, а изображение человека, деятельного и думающего человека, должно стать ее главной заботой, как уже стало это существеннейшей заботой нашей послевоенной поэзии. Поэзия еще сильнее робко ступает на этот, сулящий ей подлинное, а не призрачные успехи, путь.

3. Перелистав журналы 1947 года. Из всего обилия поэм, появившихся в этом году, пожалуй, только «Флаг над сельсоветом» Алексея Недогонова может оставаться пристальное и заинтересованное внимание читателя. Но вот «Лето над Родиной» С. Кирсанова, «Колхоз «Волынец»» И. Грибачева, «Творцы дорог» П. Заболотного, «Весна замерзлов» В. Замыatina,

«Слова о рывком бойце» Г. Санникова...

Все эти поэмы говорят нам о нашей жизни, они вполне и до конца современны по темам и материалу. Они совершенно не похожи друг на друга, как дети разных отцов. Но в читательском восприятии этих поэм неизбежно есть нечто общее: тень равнодушия.

...На мой взгляд (в отличие от точки зрения В. Александрова), условность кирсановского замысла не является органическим пороком его поэмы. И, право же, Шилл обратился к образам совсем не потому, что у него не было сочувствующего собеседника. С незапамятных времен поэзия на короткое со всем, что существует в мире, и она привлекает для своих целей все, что способна одушевить глубиной и верной идеей, жадным и страстным чувством. Но беда в том, что за условностью «Неба над Родиной» не таятся ничего, что было бы более интересным и волнующим, чем сама эта условность... В поэме есть условный герой, но нет человека. Облака, капля, мотор, как действующие лица этой мистерии, индивидуальной и значительной в своих удивительных мыслях, страданиях, надеждах, чем лотчик, выступающий со своей человеческой подлинностью в космическом единстве с ним. Условность, как это слышно часто бывает у Кирсанова, становится самодеятельной, перестает подчиняться поэту и незаметно из средства изображения перерастает в самостоятельную проблему, в самозабвенный исканый поэта.

Взрослого читателя эти «пустынные достоинства», как говорил Блок, мало занимают. Нас увлекают, прежде всего, изображение человеческой жизни и судьбы, мысль о человеке и мысль самого современного человека.

О поэме Г. Санникова «Слова о рывком бойце» можно было бы не вспоминать: это слишком очевидная неудача. Но решающий порок его рассказа в стихах неожиданно оказывается очень показательным.

Он был рывком бойцом. Во всем на других похожий... Так знакомит нас Санников со своим героем Дозоровым. А дальше? А дальше обнаруживается такая серьезность, такое безличье, такая пустота душевная в этом «храбром малом», что читатель вправе оскорбиться за тех — «других», на которых санниковский Степа «во всем похож». Но что еще важнее — эти строки служат не столько для характеристики героя, сколько для выражения «реалистического» credo самого поэта.

— Я покажу вам наилучшего советского солдата, — вот что хочет сказать автор, — а типичность разве не заключается в том, что человек во всем похож на других!

При таком объяснении смысла этой декларации сразу становится недумосмысленной иной ее антиреалистическая вздорность! Таким «методом» изображения советского человека можно только унизить реализм и опорочить современника, стремящегося выразить в своих делах, в своем творчестве знание все духовное человеческое богатство, зрелое в нем.

Есть свои достоинства в «Творцах дорог» П. Заболотного, в «Колхозе «Волынец»» И. Грибачева, в «Весне замерзлов» В. Замыatina. Но достоинства эти можно отнести к чему угодно, — только не к раскрытию человеческих характеров, только не к изображению человека!

При всей чуждости Николая Грибачева к поэзии жизни, в его поэме нет и следа драматизма. Это «сцены из сельской жизни», в которых главный герой — огульное индивидуальное существо, а обстоятельство его труда и быта. Поэт как бы ведет нас на экскурсию в свой колхоз и хочет, чтобы мы всему удивлялись. Мы усомнимся увидеть ровно столько, сколько можем увидеть экскурсанты, мы слышим то, что могут или не слышать, но люди грибачевского колхоза остаются для нас такими же чужими и неизнакомыми, как спутники в Поладе.

«Весна замерзлов» молодого поэта Владимира Замыatina приводит на след поэмы А. Недогонова, о которой уже было много сказано в нашей критике. Но поэма Замыatina, не обладая достоинствами своей предшественницы, усильно зашатаивает ее «достоинства»: доводя до предела жизнь повседневной деревни и изображая совершенно беспочвенными конфликты между советскими людьми разного уровня сознания.

В торжественной картинности и холодном риторическом пафосе «Творцов дорог» Николая Заболотного нельзя обнаружить ни тени живого интереса к человеку. Че-

В. ГАЛЬПЕРИН

Кот в ломбарде

Уже первая фраза повести Е. Борониной «Удивительный заклад» заставляет историком-рассказчика... «Я совершил это преступление в двенадцатилетнем возрасте. Но и самое преступление, и все, что сопутствовало ему, так живо в памяти, как будто было это не тридцать семь лет назад, а совсем недавно...»

О каких же событиях из детства своего героя собрался поведать миру автор? В чем состояло преступление Алеши Власьева?

Действие повести происходит в начале нашего века. Зашатный провинциальный городок. Скудно и монотонно течет жизнь в семье мелкого чиновника Власьева, пока «важное» событие не изменит это сонное существование. Жена лезовозводка «благотворительности» Власьева, подарив им питомца-котенка, Кот увеличивается в размерах, и параллельно растет его значение в повести. Однажды всеобщий лютый снежок исчерпал: Алеши Власьева сдал кога в ломбард, чтобы возместить роковую сумму в три рубля, которую он стащил у бабушки для покупки самоучителя «американского языка».

С момента заклада кога внимание автора прочно закрепляется за ломбардом. «Драматизм» ситуации в том, что старичок из ломбарда Кронид Иванович, по прозвищу Хранид, выдал Алеши Власьева квитанцию о принятии меховой шкурки. И вот Алеши терзается сомнениями — отдадут ему живого кога или «меховое изделие». Он предпринимает иочную диверсию для освобождения заточенного Снежка. Кронид настаивает Алеши, но вместо наказания прощает «преступника» и с загадочными словами: «И он начал с этого», возвращает «заклад», не потребовав долга.

Вот на этой-то глупой, анекдотической истории автор решил дать читателю наглядный урок морали.

По традиции «тайна» раскрывается на последней странице. Волею providения Алеши Власьева, уже студентом, обнаруживается в архиве дело сына Крониды — уголовного преступника Ковалева Андрея Кронидовича, приговоренного к 12 годам каторжных работ.

Оказывается, что в свое время Кронид не дал своему сыну Андрею три рубля, которые тот заложил под честное слово, и Андрею пришлось украсть эту сумму. Это и явилось началом его преступного пути. «Если бы он (отец) поверил мне, я, может, не запутался бы, не пошел бы по этой дороге», — писал Ковалев своему адвокату.

Так раскрывается смысл неожиданного прощенья Кронидом Алеши Власьева. Старик много лет мучается сознанием своей косвенной вины в падении сына. Поэтому он и ставит перед собой задачу — вернуть прощенье Алеши на «путь истинный». Становятся понятными и мистические слова: «И он начал с этого».

Пронисная начало повести укладывается в христианскую заповедь «не укради».

Горький и Чехов, создали потрясающие картины тяжкого детства мальчика в окрестностях России. Не раз обращались к этой теме многие советские писатели. Тем более прискорбно, что в книге Е. Борониной ожили дурные традиции сентиментально-авантюрного чтива. Писательница нагло изолировала своего героя в душном мире уголовных преступлений и ломбардов, рождественских старичков, дам-благотворительниц и дегенеративных гимназистов.

В книге для детей апологичность итерперима ничуть не меньше, чем в любой произведении советского писателя. У Е. Борониной был благодарный материал. На примере Алеши Власьева она могла показать судьбу мальчика из бедной семьи, систему образования в царской России, где действовал циркуляр министра Дельнаго, запрещавший доступ к учебным заведениям «курчаркиным детям». Но писательница делает нечто совсем противоположное. Удача Алеши Власьева становится возможной лишь по милости котов гордеца — купца Стреклова и промышленника Порфирьева. Сцена выпускных экзаменов, учение и раздача награды слышала до приторности. Описывая убожество выпускников, автор умилительно либеральной филантропией и только как бы спохватываясь, пытается окартинить типы «благотворителей».

Разбирая один из рассказов «Журнала для детей», Добролюбов заметил, что чтение подобных рассказов в высшей степени вредно может действовать на детей, и усматривал этот вред в том, что оно отвлекает детское внимание от действительной жизни. Повесть Е. Борониной не имеет ничего общего с изображением действительной жизни в леворадикальной России.

Поистине — судейственный заклад! совершил Государственное издательство детской литературы, выпустив эту порочную книгу вторым изданием в щедром количестве — 60.000 экземпляров. Не менее удивительно и то, что повесть Е. Борониной «Звезда» (рецензия Г. Васильева в № 1 за 1947 год).

Е. Боронина, «Удивительный заклад». Детизна, 1947 г. 78 стр.

НОВЫЕ КНИГИ

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
Ф. Гальперин, «Печень», «Клятва». Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947). 414 стр. Тираж 75.000. Цена 10 руб. 25 коп.

В. Дин, «Линия-Хан». Роман. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 356 стр. Тираж 75.000. Цена 10 руб. 50 коп.

А. Варьянин, «Лесовозвод», «Огни». Романы. «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1947). 454 стр. Тираж 75.000. Цена 13 руб. 25 коп.

И. Знобичев, «Поднялось». Повесть. 305 стр. Тираж 15.000. Цена 8 руб. 25 коп.

Т. Селуцкий, «Аллея уходит в горы». Роман. 264 стр. Тираж 25.000. Цена 8 руб.

С. Липкин, «Манус великодушный». Повесть. 230 стр. Тираж 15.000. Цена 6 руб. 75 коп.

И. Емельянов, «Делать уклад в горы». Роман. 281 стр. Тираж 25.000. Цена 7 руб. 50 коп.

Н. Рыбак, «Шесть». Роман. Авторизованный перевод с украинского В. Россельса. 272 стр. Тираж 15.000. Цена 8 руб. 50 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Что говорят читатели

Дискуссия, развернувшаяся на страницах нашей газеты в связи с взглядами академика Т. Д. Лысенко на внутривидовую конкуренцию...

В будущем в состоянии опубликовать все полученные в связи с дискуссионной статьи и статьи, мы даем краткий обзор основных точек зрения...

Десятки писем, полученных редакцией, — это не просто отклики на дискуссию, а выступления читателей по существу спора...

Чем обогатил этот интерес читателей «Литературной газеты» к этой далекой от литературной теме? Ответ на это дают сами читатели...

Почти все авторы писем и статей отмечают положительную и целесообразность постановки Т. Д. Лысенко вопроса о факторах эволюции...

Вне зависимости от своего отношения к вопросу о наличии или отсутствии внутривидовой борьбы в растительном и животном мире...

Внутривидовая борьба в животной природе существует и является основным фактором эволюции. Стронинки этого мнения...

Другое мнение. Внутривидовая борьба существует, ее нельзя сбрасывать со счетов, хотя она и не играет первостепенной роли в эволюции видов...

Основной движущей силой в развитии организмов является естественный отбор, а не внутривидовая конкуренция. Попытка изобразить ее как фактор и притом главный фактор развития организмов...

Книга И. Соколова-Микитова «Рассказы о Родине» — глубоко поэтическое повествование о природе и людях...

Вместе с автором попадаем мы в горы и леса Кавказа, посещаем уютные зеленые сады казачьи станицы...

Из солнечной Киргизии с тем же волнующим-радостным чувством мы направляемся в синюю, дремучую приуральскую тайгу...

И. Соколов-Микитов, «Рассказы о Родине», «Советская писатель», 1947, 521 стр.

ЗА РАСЦВЕТ СОВЕТСКОЙ АГРОБИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Акад. М. МИТИН

Научная дискуссия, развернувшаяся на страницах «Литературной газеты» по вопросу о внутривидовой борьбе в животной природе...

представлениями и создал теорию постепенного эволюционного развития органического мира. Известно, что эту ограниченность дарвиновской теории марксизм всегда критиковал...

Дарвин допускал также несамостоятельность ошибок в трактовке явлений наследственности (его ошибочная теория пангенезиса). У Дарвина были естественные ошибочные попытки применить биологические законы борьбы за существование к явлениям социальным...

Недостатки учения Дарвина, определявшиеся с одной стороны, состоянием науки середины XIX столетия, а с другой стороны — известной буржуазной ограниченностью самого Дарвина...

Почему весьма странно, высказанные противниками академика Т. Д. Лысенко в настоящей дискуссии. Нельзя, например, согласиться с изложением Б. Заводского о некоей «генеральной линии ортодоксального дарвинизма»...

Точно так же нельзя согласиться с изложением Б. Заводского о том, что «Маркс и Энгельс восприняли дарвинизм, как органическую составную часть в построении целостного марксистского диалектико-материалистического мировоззрения»...

Сколько не приходится соглашаться с центральным положением статьи «Наше возражение академику Т. Д. Лысенко» И. Шмальгаузена, А. Формозова, Д. Сабинина и С. Юдинцева...

Со всей категоричностью можно утверждать, что ни сам Дарвин, ни лучший его толкователь и популяризатор дарвинизма К. Тимирязев никогда не утверждали, что внутривидовая борьба является краеугольным камнем всей эволюционной теории...

Этот недостаток отчасти искупается последним разделом книги «Спасение корабля», где в ряде новелл изображены люди, спасшиеся в результате выживания, борясь с природой...

Совершенно справедливо указывает Т. Д. Лысенко в своей статье «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция» (журнал «Агробиология» № 2, 1946 г.), «Мальтузианство — это не столько теория, сколько идеология»...

В настоящем номере мы подводим итоги дискуссии по вопросам агробиологической науки (см. №№ 47, 59, 62 «Литературной газеты»).

Статья академика М. Митина «За расцвет советской агробиологической науки» выражает точку зрения редакции.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Всем известна высокая оценка, которая дана учению Дарвина в произведении классиков марксизма-ленинизма. Ленин рассматривал дарвинизм, как учение, впервые поставившее биологию на научную почву...

Однако, оценивая столь высоко учение Дарвина, сыгравшее огромную роль в деле борьбы против теологии и подкрепившее столь сильно материалистическое мировоззрение, классики марксизма-ленинизма науки всегда отмечали известную ограниченность и недостатки этого учения.

В чем же состоит ограниченность и недостатки учения Дарвина? Во-первых, Дарвин, как известно, не критически воспринял и перенес на природу «закон народонаселения» Мальтуса...

Позтому, когда в настоящее время у нас идет пересмотр в переоценке буржуазной науки и культуры, критика и разоблачение всех истоков реакционных учений, когда перед нами стоит задача полностью и до конца вытравить все реакционное в науке, — борьба, в частности, против элементов мальтузианства в биологии крайне актуальна и важна.

Когда академики Т. Д. Лысенко и его последователи заостряют вопрос о необходимости борьбы против всяких проявлений мальтузианства в биологии вообще, а также против беспорочного наличия известных элементов мальтузианства в учении Дарвина, — они правы и должны быть поддержаны советской общественностью.

Речь вовсе не идет о недооценке или ревизии важнейших принципов теории Дарвина, его учения о происхождении видов, исторического объяснения целесообразных приспособлений во всем богатстве живой природы, учения о естественном отборе, теории эволюции...

Далее, Дарвин, как известно, придерживался ошибочной формулы, что «природа скачков не делает» (natura non facit saltus). Во времена Дарвина среди идеологов буржуазии имели хождение метафизические представления о развитии. Буржуазная ограниченность этих представлений сказывалась в том, что развитие понималось только как медленный, количественный эволюционный процесс, исключающий революцию, скачки. Дарвин отдал дань этим

мастерство живописца и лирика. Его язык теряет своеобразие, точность, выразительность. Мы не успеваем взглянуть в одного героя, как нас знакомит с другим. Но увы! и этот недостаток непрочен и мимолетен. А ведь у автора были все возможности полно и свободно раскрыть хотя бы образ молодого ученого Абдулла, или охотника-следопыта Калычана.

Этот недостаток отчасти искупается последним разделом книги «Спасение корабля», где в ряде новелл изображены люди, спасшиеся в результате выживания, борясь с природой...

Совершенно справедливо указывает Т. Д. Лысенко в своей статье «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция» (журнал «Агробиология» № 2, 1946 г.), «Мальтузианство — это не столько теория, сколько идеология»...

В настоящем номере мы подводим итоги дискуссии по вопросам агробиологической науки (см. №№ 47, 59, 62 «Литературной газеты»).

Статья академика М. Митина «За расцвет советской агробиологической науки» выражает точку зрения редакции.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

представлениями и создал теорию постепенного эволюционного развития органического мира. Известно, что эту ограниченность дарвиновской теории марксизм всегда критиковал...

Дарвин допускал также несамостоятельность ошибок в трактовке явлений наследственности (его ошибочная теория пангенезиса). У Дарвина были естественные ошибочные попытки применить биологические законы борьбы за существование к явлениям социальным...

Недостатки учения Дарвина, определявшиеся с одной стороны, состоянием науки середины XIX столетия, а с другой стороны — известной буржуазной ограниченностью самого Дарвина...

Почему весьма странно, высказанные противниками академика Т. Д. Лысенко в настоящей дискуссии. Нельзя, например, согласиться с изложением Б. Заводского о некоей «генеральной линии ортодоксального дарвинизма»...

Точно так же нельзя согласиться с изложением Б. Заводского о том, что «Маркс и Энгельс восприняли дарвинизм, как органическую составную часть в построении целостного марксистского диалектико-материалистического мировоззрения»...

Сколько не приходится соглашаться с центральным положением статьи «Наше возражение академику Т. Д. Лысенко» И. Шмальгаузена, А. Формозова, Д. Сабинина и С. Юдинцева...

Со всей категоричностью можно утверждать, что ни сам Дарвин, ни лучший его толкователь и популяризатор дарвинизма К. Тимирязев никогда не утверждали, что внутривидовая борьба является краеугольным камнем всей эволюционной теории...

Этот недостаток отчасти искупается последним разделом книги «Спасение корабля», где в ряде новелл изображены люди, спасшиеся в результате выживания, борясь с природой...

Совершенно справедливо указывает Т. Д. Лысенко в своей статье «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция» (журнал «Агробиология» № 2, 1946 г.), «Мальтузианство — это не столько теория, сколько идеология»...

В настоящем номере мы подводим итоги дискуссии по вопросам агробиологической науки (см. №№ 47, 59, 62 «Литературной газеты»).

Статья академика М. Митина «За расцвет советской агробиологической науки» выражает точку зрения редакции.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

пую сеть соотношений и зависимостей, представляющую все живое в одно громадное целое, — мы в состоянии получить верное представление о том, что разумел Дарвин под борьбой за существование».

Общественно, например, значение внутривидовой борьбы в процессе эволюции. Именно в результате внутривидовой борьбы выработался обширный арсенал орудий активного нападения и орудий пассивной защиты в животном и растительном мире. Механические, химические, физиологические способы нападения и защиты, окраска, приспособление к преследованию добычи или добыванию пищи — все это и подобные им явления среди растений и животных выработались в результате внутривидовой борьбы и межвидовой отношений.

Почему нельзя считать внутривидовую борьбу «краеугольным камнем дарвинизма»? Во-первых, потому, что всю чрезвычайную многообразную сложность отношений и взаимозависимостей в природе, в растительном и животном царстве, нельзя сводить к одному виду этих отношений — к внутривидовой борьбе. Далее, совершенно неправильно и односторонне все богатство связей внутри вида сводить почему-то только к борьбе. Еще в свое время, критикуя тех, кто односторонне подходил к дарвинизму, Энгельс указывал, что «взаимодействие живых существ включает в себя и сознательное и бессознательное сотрудничество и сознательную и бессознательную борьбу».

Подводить все многообразие взаимоотношений в историческом развитии видов только под борьбу или конкуренцию внутри вида неправильно и односторонне.

В этой постановке вопроса нет также и намека на попытку проанализировать различный тип и характер взаимосвязей между организмами в пределах одного вида и характер взаимосвязей, взаимозависимостей, борьбы между видами. И. Шмальгаузен, собственно, и не видит нужды в том, чтобы эти вопросы специально рассматривались, так как он придерживается той точки зрения, что эволюция организмов может осуществляться только лишь на основе внутривидового соревнования и что межвидовые отношения хотя и играют существенную роль в эволюции, однако объяснить вопросы эволюции они не могут.

Так, академики И. Шмальгаузен пишет: «В борьбе за существование отдельные особи соревнуются, следовательно, между собой, и только в этом соревновании, т. е. во внутривидовой борьбе решается вопрос о переживании и размножении более приспособленных особей, об изменении состава популяции и преобразовании структуры всего вида в целом. Межвидовые соотношения играют существенную роль в факторах внешней среды, однако эволюция организмов, как представитель вида (группы), осуществляется всегда лишь на основе внутривидового (внутригруппового) соревнования».

Поданный в работах Т. Д. Лысенко вопрос о внутривидовой борьбе в природе и о той роли, которую играют в эволюции межвидовые отношения, чрезвычайно важен.

Проблема соотношения внутривидовой конкуренции и межвидовой борьбы представляет собой один из серьезных вопросов дальнейшего развития эволюционного учения. Противники Т. Д. Лысенко, заострив свое внимание только на вопросах внутривидовой борьбы, сужают теорию эволюции, не видят новых вопросов, требующих своего разрешения, своей разработки. Ведь взаимосвязи и взаимоотношения между организмами в пределах одного вида, несомненно, представляют собой отличия одного порядка, коренным образом отличающиеся от взаимоотношений и взаимосвязей межвидовых. Взаимосвязи внутривидовые определяют сохранение, размножение и улучшение данного вида. Эти взаимосвязи крайне многообразны. Они включают в себя и конкуренцию, и соревнование, иногда даже прямую борьбу между особями (половой подбор, борьба между хищниками за добычу и т. п.) и угнетение. Они включают в себя, как чрезвычайно важный фактор, также и взаимопомощь. Важно, однако, здесь то, что характер этих внутривидовых взаимоотношений качественно отличен от отношений межвидовых. Отличительная черта этих взаимосвязей состоит в том, что они направлены к сохранению и улучшению данного вида, в то время как межвидовая борьба направлена на истребление борющихся между собой видов. Однако и в вопросах межвидовых соотношений неприятие также односторонней точки зрения — наряду с борющимися между собой видами имеются явления симбиоза, сотрудничества и т. п.

Виды растений и животных реально существуют. Всякая реальность развивается на основе внутренних противоречий, борьба старого с новым. Вид также живет и развивается на основе внутренних, присутствующих ему противоречий.

Постановка большого теоретического вопроса о внутривидовой борьбе и межвидовых отношениях представляет собой несомненно важную задачу Т. Д. Лысенко и приобретает тем большее значение, что из него вытекает много практических выводов для нашей агробиологии.

Совершенно справедливо указывает Т. Д. Лысенко в своей статье «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция» (журнал «Агробиология» № 2, 1946 г.), «Мальтузианство — это не столько теория, сколько идеология»...

В настоящем номере мы подводим итоги дискуссии по вопросам агробиологической науки (см. №№ 47, 59, 62 «Литературной газеты»).

Статья академика М. Митина «За расцвет советской агробиологической науки» выражает точку зрения редакции.

что в практике сельского хозяйства большей частью приходится иметь в виду не внутривидовую конкуренцию, а межвидовую борьбу между особями разных видов, пользующихся одними и теми же условиями окружающей среды (борьба с сорняками, с вредителями и т. п.).

Семеноводческая практика сельского хозяйства, выведение культурных растений, неэффективность редких посевов, необходимость полоть сортовые посевы от несортовых примесей — все это ставит перед биологической наукой ряд новых теоретических проблем.

Жизнь требует дальнейшего творческого развития дарвинизма. После выхода в свет «Происхождения видов» Дарвина прошло около 90 лет. Наука накопила за это время огромное количество новых данных. Развитие дарвиновского учения потребовало преодоления известных его ограниченностей и односторонности. Смело и новаторски развивался и развивается дарвинизм в нашей стране, которая справедливо считается второй родиной дарвинизма. Следуя традициям К. А. Тимирязева, творчески думая вперед дарвинизм наш великий преподаватель природы, замечательный советский патриот И. В. Мичурин. Теоретические наследие И. В. Мичурина исключительно велико. На основе работы с плодовыми-ягодными растениями он развил далекообширные биологические законы наследственности и ее изменчивости. Как настоящий корифей науки Мичурин прокладывал к ней новые пути. Он вывел до 350 новых сортов растений, из которых 54 вошли в стандарт и заняли у нас десятки тысяч гектаров.

У нас выросло многочисленное и многостороннее мичуринское направление в агробиологической науке и практике. Работы академика Т. Д. Лысенко и др. свидетельствуют о том, сколько успешно развивается у нас это направление. Совершенно справедливо говорит Т. Д. Лысенко, что «в агробиологии быть дарвинистом — это значит быть мичуринцем».

Перед нашей страной открываются все новые блестящие перспективы. Ведомая большевистской партией, советская страна идет вперед к коммунизму. На базе социалистического строя у нас претворится в жизнь великое дело обновления земли. У нас будет осуществлена возвышенная и прекрасная мечта Мичурина — «сделать нашу советскую страну цветущим садом».

И вот, когда перед нами открываются такие горизонты, встают такие новые грандиозные задачи, находятся некоторые консервативные деятели науки, которые не желают за старые догмы, не желают взвесить старые теоретические установки в свете новой практики. А ведь быть диалектиком — это значит смотреть в будущее, это значит идти вперед. Практика ставит новые проблемы, она требует пересмотра многих устаревших теоретических догм в биологической науке.

Заслуга Т. Д. Лысенко состоит в том, что он смело ставит такие новые вопросы. Исходные положения Т. Д. Лысенко о жизни и развитии растений, о том, что растение как в видовой, так и в индивидуальной форме не есть нечто неизменное, что в развитии организма принимает участие не только клетка или ее отдельные составные части, но также организм, как целое, и клетка, как целое; что своим активным воздействием на растение, путем создания определенных условий, человек может и должен влиять на развитие растений в нужном ему направлении; что надо пересмотреть многие старые положения о соотношении внутривидовой и межвидовой борьбы, что внутривидовые отношения и взаимосвязи представляют собой отношения одного порядка, а межвидовая борьба — отношения другого порядка, и их роль в эволюции различна, — все это представляет собой дальнейшее творческое развитие дарвинизма и идет на линии проникновения метода марксистской диалектики в биологическую науку.

У нас еще свежи в памяти пресловутые антидарвиновские «обезьяны процессы» в США. Мы хорошо знаем реакционные измышления многих современных буржуазных ученых Англии и США против идеи эволюции, против действительных основ дарвиновского учения. Мы с презрением относимся к распространению в странах так называемой «буржуазной демократии» «научных мифов о творении», к попыткам сочетать дарвинизм с теологией.

С глубоким негодованием и возмущением советские ученые отвергают злостную клевету на положение науки в СССР, клевету на передовых советских ученых, на огромные достижения нашей науки, которой занимается всякого рода «ученые» прихлебатели реакции, вроде Саксов, Дарлингтонов, Хетсонов и Риггсов. Вот почему наша советская общественность так решительно осудила низкопоклонство перед зарубежной наукой, проявленное профессором А. Ябраком, выступившим в американском журнале «Сайенс» и фактически солидаризировавшимся с реакционными американскими «учеными» в оценке мичуринского направления в советской биологической науке и собиравшего строить вместе с ними и им подобными «общую биологию мирового масштаба».

Ведь решительную борьбу за передовые идеи в области биологии, за дарвинизм, против всех его реакционных противников и врагов, мы вместе с тем не можем и не должны отнестись к учению Дарвина, как к идее, догматизировать это учение. Мы за дальнейшее творческое развитие дарвинизма, за дальнейшие успехи нашей самой передовой в мире советской агробиологической науки, за дальнейший расцвет мичуринского направления в науке.

В настоящем номере мы подводим итоги дискуссии по вопросам агробиологической науки (см. №№ 47, 59, 62 «Литературной газеты»).

Статья академика М. Митина «За расцвет советской агробиологической науки» выражает точку зрения редакции.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

ЧУДО РУК ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

деревни и села. В этом сказочном царстве, среди лесов, болот, сверкающих на солнце луж озер свершают чудеса неумтомные руки советских людей. Там, где еще недавно бродили лоси и медведи, высятся города и заводы, а быстрые самолеты обгоняют косяки дикой таежной птицы.

Из приуральской тайги мы попадаем на далекий, далекий Север, в леса дикой Чумы, и вместе с московскими учеными-охотниками плывем на парусной лодке через большое и бурное озеро Имандра, затем путешествуем по Мурманской дороге — от Кандаляки до Колы. Там, где когда-то жили люди непуганые мошники-глухари, возникли новые богатые города, по зараставшей мохом дороге движутся быстрые электрические поезда, каменные плотины перехватывают шумные, непокорные реки. «Здесь, в далеких этих местах, радостно человеку почувствовать могущество своих рук. Гордо и спокойно смотрит он на новые города, на покорные его силе быстрые реки и каменные горы...»

Чудесное путешествие по родной земле автор заканчивает мастерским описанием Арктики. Перед нами Варенбург — самый северный в мире промышленный город, населенный советскими горняками. На корабле «Седов» мы следуем на Новую Землю, знакомимся с промышленниками-нефтяниками, вместе с которыми через поллярные льды отправляемся на зимовку к Земле Франца-Иосифа.

Солнечная ночь. Ярким солнцем освещены льды. Кругом — все белое и голубое, от яркого света болят глаза. «Почти невозможно описать неожиданную яркость и красочность полярного ледового мира, который

нам прежде представлялся застывшим и неподвижным». И. Соколов-Микитов сумел показать особенности отношения к природе советского человека. Как далеко оно и от молчаливого рабского преклонения перед красотой и величием природы, и от чванливой, хищнической удачи современного бизнесмена.

Автор в своих картинах природы соединяет трезвую наблюдательность ученого-естествоиспытателя, страстного путешественника с лирическим волнением поэта. Его пейзаж, вызывая полнокровное поэтическое чувство, приобретает исключительную познавательную ценность.

На фоне этих мастерски написанных пейзажей автор стремится показать разнообразие характера советских людей. Перед нами неутомимый ленкорейский рыбак и охотник Вася; хитрый, любящий в свою профессию старик-лесничий; молодой геолог Абдулла, в черных глазах которого горит жадное внимание к каждому слову собеседника; старший мастер ирландского подполковника молодой смены мастеров; заблудившаяся, радужная председательница Хибинского сельсовета; московский профессор-зоолог дядя Петя, обладающий замечательным юмором и спокойствием; «картофельный чудотворец», ученый Веселоский, который выращивает на Севере новые морозостойкие и плодоносные сорта картофеля, и, наконец, знаменитые следопыты, охотники лопари-саамы, подчиняясь указаниям которых, искали инженеры-геологи в горах Мончи дороге залежи минералов.

К сожалению, образы людей написаны бледно, мимолетно. Автору как бы изменяет

мастерство живописца и лирика. Его язык теряет своеобразие, точность, выразительность. Мы не успеваем взглянуть в одного героя, как нас знакомит с другим. Но увы! и этот недостаток непрочен и мимолетен. А ведь у автора были все возможности полно и свободно раскрыть хотя бы образ молодого ученого Абдулла, или охотника-следопыта Калычана.

Этот недостаток отчасти искупается последним разделом книги «Спасение корабля», где в ряде новелл изображены люди, спасшиеся в результате выживания, борясь с природой...

Совершенно справедливо указывает Т. Д. Лысенко в своей статье «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция» (журнал «Агробиология» № 2, 1946 г.), «Мальтузианство — это не столько теория, сколько идеология»...

В настоящем номере мы подводим итоги дискуссии по вопросам агробиологической науки (см. №№ 47, 59, 62 «Литературной газеты»).

Статья академика М. Митина «За расцвет советской агробиологической науки» выражает точку зрения редакции.

Виды растений и животных реально существуют. Всякая реальность развивается на основе внутренних противоречий, борьба старого с новым. Вид также живет и развивается на основе внутренних, присутствующих ему противоречий.

Постановка большого теоретического вопроса о внутривидовой борьбе и межвидовых отношениях представляет собой несомненно важную задачу Т. Д. Лысенко и приобретает тем большее значение, что из него вытекает много практических выводов для нашей агробиологии.

Совершенно справедливо указывает Т. Д. Лысенко в своей статье «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция» (журнал «Агробиология» № 2, 1946 г.), «Мальтузианство — это не столько теория, сколько идеология»...

В настоящем номере мы подводим итоги дискуссии по вопросам агробиологической науки (см. №№ 47, 59, 62 «Литературной газеты»).

Статья академика М. Митина «За расцвет советской агробиологической науки» выражает точку зрения редакции.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.